Ричард Длинные Руки. Удар в спину

Автор:
Гай Орловский

Ричард Длинные Руки. Удар в спину

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки #54

Несерьезное с виду дело оказалось крохотной вершинкой огромного айсберга. А императорское окружение – слишком сложной и сбалансированной системой власти, из которой нельзя вытащить и кирпичика.

Но звездный лорд Ричард, повелитель демонов, все же рискнул…

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки. Удар в спину

© Орловский Г. Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Часть первая

Глава 1

Жанна-Антуанетта еще всхлипывала, когда в кабинет торопливо вошли Альбрехт и Келляве, за ними грузно вдвинулся дородный сэр Рокгаллер, градоначальник захваченной столицы.

Альбрехт с порога окинул цепким взглядом комнату, на мгновение задержал его на вытирающей слезки кружевным платочком маркизе.

А когда повернулся в мою сторону, на его строгом лице читалось, что все беды на свете от женщин, начиная с тех, что пошли от глупого поступка Евы.

– Садитесь, – велел я, – без церемоний. Мы в полевом лагере, хоть это и дворец. Появился враг и уже нанес первый удар.

Сели молча, очень серьезные и настороженные, только на лице Келляве проступило нечто вроде злого удовлетворения, наконец-то зримый враг, с которым можно скрестить мечи, да еще Альбрехт чуточку дернул щекой, дескать, сколько было этих ударов, и все еще первый?

Я пересказал услышанное от Жанны-Антуанетты, все продолжили хранить молчание, только быстро схватывающий Альбрехт вздохнул и покачал головой.

– Подметное письмо, – проговорил он с неудовольствием. – Конечно, пусть его проверят специалисты Норберта. Наш доблестный граф… или он уже герцог?.. подмял под себя и местную тайную службу, но даже это вряд ли что-то даст в данном случае. Придется ждать их требований. Кстати, я понимаю жажду сэра Ричарда встретить ясно осязаемого врага и вступить с ним в бой, но этот случай вряд ли дает нам достойного нашей силы и мощи врага.

Сэр Келляве и Рокгаллер даже не переглянулись, но по их лицам видно, согласны с Альбрехтом, тот быстрее всех схватывает любую ситуацию и делает самые разумные выводы, словно не благородный рыцарь высокого происхождения, а торговец какой.

Рокгаллер сказал несчастным голосом:

– Зато по требованиям поймем, кто они и чего добиваются. С другой стороны, вот так взять и дать им преимущество?

Келляве вздохнул, от него тоже требуется высказать свое мнение, а это труднее, чем махать мечом.

– Сэр Ричард, – сказал он с холодноватой отстраненностью, – предпочитает действовать в интересах империи, не примешивая ничего личного. А интересы державы говорят, что это личное дело маркизы.

Альбрехт и Рокгаллер молча перевели взгляды на меня. В их глазах читалось, Келляве прав, маркиза слишком ничтожная величина для империи. А личные проблемы все, кроме императора, должны решать самостоятельно.

Строгие, осознающие груз ответственности, шутка ли – подмяли империю! – глядят на меня выжидающе и требовательно. Сейчас мы не шайка баронов, с мечами в руках отстаивающие свои крохотные земли, под нашей властью такое, что уже все начали побаиваться раствориться в необъятной империи.

– Личное, – согласился я, – мы все должны отделять личное от государственного, что пока удается, мы же с Севера! Но в деле маркизы есть одна крайне неприятная деталь…

Келляве задвигался в кресле, доспехи протестующе звякнули.

– Ваше величество?

Я пояснил:

– Согласившись принять ее в качестве лица империи, я тем самым подставил и ее под удар.

– Империю? – уточнил Келляве.

– Маркизу, – ответил я. – Сейчас она важный и дорогостоящий бренд. Некая заметная деталь в политико-экономической модели империи. Переходом от

Скагеррака в наши ряды принесла важные имиджевые очки команде реформаторов. Терять эти очки разве не государственная оплошность?

– Так мы не теряем, – напомнил Келляве. – А муж… что муж? Мы даже не знали о нем. Не жалко.

Маркиза вскочила и метнула в его сторону взгляд, полный негодования и ярости.

– Сэр! – вскрикнула она звенящим от ярости голосом. – Я здесь!

Я хлопнул себя по лбу.

– Ах да! Маркиза, подождите, пожалуйста, в соседней комнате. Мужской разговор, да еще людей благороднейшего происхождения, бывает не для женских ушей.

Альбрехт встал, галантно провожая ее, отвел в сторону внутренних помещений моих императорских апартаментов, а там плотно прикрыл за нею толстую дверь, чтобы не оставалось ни самой крохотной щели.

– Ты куда отвел? – спросил я, когда он вернулся и сел. – Дверь в оранжерею справа.

– Да ладно, – ответил он. – У вас и туалетная комната как спальня. А цветы от слез вянут.

Я повернулся к внимательно слушающим Келляве и Рокгаллеру.

– Не буду напоминать о довольно оскорбительном желании этих неизвестных лиц как-то влиять на вашего императора! Даже руководить им.

Альбрехт, сильно морщась, прервал бесцеремонно:

– Позвольте, Ваша Звездность, но я что-то не усмотрел желания влиять на вас!

Остальные промолчали, но я видел на их лицах то же самое выражение подчеркнутого и даже демонстративного непонимания.

– Бросьте, принц, – сказал я. – Вы же прекрасно понимаете, что сочту себя задетым. На это и был расчет.

Он взглянул на меня исподлобья.

– Что, правда, уже принц?

– Разве нет? – переспросил я. – Ладно, потом разберемся. В общем, герцог, вы уже знаете, мы все здесь сидим как на иголках в ожидании удара с той стороны, откуда не ждем. Возможно, это как раз тот случай.

Рокгаллер покряхтел, подвигался в кресле, устраиваясь, как королевский пингвин в утесах.

– Что за удар, – переспросил он, – если не вовлечена армия?

– Уж вам-то не знать, – сказал я с укором, – вы и на Севере не были только лихим рубакой. Удар может быть таким, что армия не успеет и хрюкнуть, а не то что почесать задней лапой за ухом.

Келляве произнес с ноткой недоумения:

– Муж для маркизы почему-то много значит, кто бы подумал?.. Обычно для женщин значение имеет только размер его доходов, а также длина титула…

– Вы правы, сэр Гастон, – сказал я. – Но если маркиза так привязана к мужу, то без него ей будет не совсем. А это скажется на ее облике, что бросит некоторую тень на облик представляемой ею империи. Потому давайте думать, как ей помочь, потому что это в интересах нашей империи. Мне за державу обидно, а вам?.. Ладно, можете не отвечать.

Рокгаллер проговорил после паузы:

– Установить наблюдение за маркизой. С кем общается, кто к ней подходит… Даже кому кивнет, улыбнется. Как улыбнется.

– Привлечь магов, – предложил Келляве. – Чтоб никто незримником не прошел. У охраны есть амулеты?..

– Снабжены, – ответил я. – Спрошу у Карла-Антона.

Альбрехт прервал:

– Ваше величество, а почему его не позвали? Он как человек благородного происхождения вполне вхож в наш круг.

Келляве кивнул и добавил с уважением:

– К тому же так много сделал для нашей победы над филигонами!

Я сказал громко:

– Карл-Антон!.. Вы меня слышите?.. Повелеваю явиться на военный Совет в моем кабинете!

С минуту все сидели в тишине, наконец в дверь стукнули, заглянул Периальд.

– Ваше величество, – провозгласил он зычно, подражая то ли дворецкому, то ли церемониймейстеру, хотя вряд ли знает между ними разницу, – к вам сэр Карл-Антон!

– Пусть войдет, – распорядился я, отметив для себя, что Периальд назвал его сэром, а это значит, слух о благородном происхождении чародея уже пронесся по дворцу, а то и по городу.

Дверь распахнулась шире, Карл-Антон вошел все в том же плаще с откинутым на спину капюшоном, в шляпе с высокой тульей и в сапогах из грубой кожи.

На лицах собравшихся отразилось удовлетворение, маг еще в большей степени, чем они, верен одежде Севера.

Я кивнул чародею на свободное кресло:

– Садитесь, благородный сэр. У нас уже началось обсуждение, но пока ничего не решили. Дело в том…

Карл-Антон опустился в кресло, не снимая шляпы, обычаи гильдии, что даже выше законов, повелевают оставаться в шляпе. Держится, как заметил я, со скромным достоинством именно так, как от него и ждут.

Я пересказал суть проблемы, Альбрехт тихонько переговаривался с Келляве, Карл-Антон осторожно слушал и помалкивал, понимая деликатность своего положения, хотя тайна его благородного происхождения и раскрыта, но все же чародей, адепт нечистой магии, хотя и как бы на стороне церкви, но все-таки не совсем свой.

– Мне нужно подержать в руках то письмо, – проговорил он наконец. – Если без защитных заклятий, то могу узнать, кто отправлял… Или место, откуда…

Я кивнул Альбрехту, он быстро подошел к двери комнаты, куда отвел Жанну-Антуанетту, приоткрыл и крикнул:

– Маркиза!.. Ох, простите, я в задумчивости ничего не видел… Его величество изволит велеть вам со всей возможной скоростью доставить перед его как бы светлые очи то самое письмо… Но все же не торопитесь в таком деликатном деле…

Через минуту дверь распахнулась. Мимо Альбрехта промчалась с пунцовыми щеками Мария-Антуанетта, на бегу обеими руками подбирая длинный подол платья.

На этот раз Альбрехт проводил ее лишь вежливым поклоном, бегать несолидно даже герцогу, а уж тем более принцу, если это не на войне, конечно.

Хрурт едва успел распахнуть перед нею дверь. В коридоре мелькнуло удивленное лицо Периальда, которому едва не угодила в объятия.

Нас окатила волна нежных духов с примесью тепла ее тела.

Хрурт не успел закрыть дверь, как нечто огромное и тяжелое отпихнуло его, в кабинет ворвался Адский Пес с горящими, как раскаленные уголья, глазами.

– Ваше величество, – прокричал из коридора Хрурт. – Ваша собачка! Она сама…

– Закрой дверь, – буркнул я.

Бобик быстрым взглядом окинул стол, но там ни жареного гуся, ни кабанчика, ни даже пирогов с мелкими пташками, которые просто обожает, разочарованно вздохнул и с размаха плюхнулся на пол у моих ног, придавив ступни.

Карл-Антон кивнул в сторону двери:

– Ваше величество… это стоит вашего вмешательства?..

– Вообще-то женщины ничего не стоят, – согласился я. – Но некоторые, если верить поэтам, ценятся ну прям как не знаю что. К счастью, политика далека от поэзии, она смесь математики и бесстрастной расчетливости богомола.
А расчеты показывают, что, защищая ее, защищаем себя…

– В известной степени, – сказал он.

Я кивнул:

– Да, конечно. Словом, устанавливаем скрытое наблюдение за нею и ее окружением, Карл-Антон проверит письмо, а мы додумаем остальные меры защиты.

– И нападения, – договорил Альбрехт. – Я просто не могу представить, чтобы сэр Ричард только защищался.

Я промолчал, приходилось и защищаться, и позорно удирать, и быть схваченным, но историю пишет победитель, а в ней я проеду на белом коне от первой страницы до последней, милостиво улыбаясь и разбрасывая пряники под ликующие крики благодарного народа и взлетающие кверху лифчики и трусики. Ах да, их пока еще не придумали.

Рокгаллер вздохнул так тяжело, что заколыхались два подбородка, а третий раздвинулся по груди, подобно взопревшему тесту, готовому в печь.

– А что за противник, – поинтересовался он задумчиво, – которого не страшит Багровая Звезда? Такого и вообразить не могу.

– Либо в таких глубинах земли, – сказал я медленно, – куда разрушительная мощь Маркуса не достанет… либо где-то слишком высоко.

Альбрехт прервал:

– Простите, ваше величество, но есть более простой вариант.

– Слушаю, – сказал я недовольно.

– Просто спрятались, – ответил он, – так что не найти. Либо в Запретных Землях, что остаются целыми даже после визитов Маркуса, либо здесь же в Волсингейме, но хорошо законспирированы. К примеру, это все задумала и осуществляет герцогиня Херствардская, на которую уж никак не подумаешь…

Келляве буркнул:

– В Запретных Землях сами в тюрьме. Если бы только могли выйти… интриговать не стали бы.

– Могли одичать, – предположил я. – В изолированных общинах так всегда. Для высоких технологий нужна человеческая масса хотя бы в пять-десять тысяч тонн живого веса. Ладно-ладно, отвлекся. Тоже думаю, скорее всего, хорошо спрятались.

На меня посматривают несколько странно, снова не поняли, почему не хочу спорить, властелин тоже постепенно превращается сперва в заложника своих лордов, а потом обычаев, моды…

Хорошо, мелькнула сердитая мысль, хоть не любовниц. Тогда вообще кранты. Хотя могут присобачить и такое, раз уж хочу помочь маркизе, даже военный совет созвал. Все еще не понимают, что борюсь не за нее, ставки куда выше.

Глава 2

Явился запоздавший Норберт, слегка запыхавшийся, но по движениям и лицу незаметно, только воинственно поднятые кончики усов слегка распрямились, а для всегда ровного Норберта это уже заметный признак.

Бобик проснулся, вылез и помахал ему хвостом, Норберта любит, тот всегда принимает от него пойманную в дороге добычу и никогда не говорит, что все, хватит.

Альбрехт и Рокгаллер начали быстро посвящать начальника разведки в проблему, я постучал кончиками пальцев по столу, дробь показалась похожей на грозный топот скачущей рыцарской конницы. Норберт взглянул с вопросом в глазах, взгляд серых глаз тверд и прям, как и сам Норберт.

– Пока маркиза несет письмо, – сказал я, – уточним бытовые мелочи. Сэр Норберт, как там Скагеррак?

– Все тихо, – ответил он четким голосом. – Даже чересчур.

– Как это?

– Ощущение такое, что затаился, – пояснил он. – Но гонцы так и шмыгают. И конные, и багерные.

– Это не преступление, – сказал я, – может быть, шлет поздравления с днем рождения или свадьбой. Карать будем за действия, мы же местами демократы, а

на остриях своих рыцарских копий принесли мир и гуманизм. Сэр Рокгаллер?

Рокгаллер начал было вынимать грузное тело из тесного для него кресла, но Альбрехт придержал за плечо, Рокгаллер послушно опустился и ответил уже сидя:

– Все спокойно, ваше величество!.. Я поначалу даже спать не мог, все старался понять, чего все такие. Заговоры выискивал, ко всему присматривался…

– И как?

– Все спокойно, – повторил он с ноткой удивления. – Похоже, им без разницы, кто император. А все мы, что обидно, вроде труппы бродячих актеров, что дает представление. Дескать, повеселили благородную публику своей одеждой и манерами и уйдем дальше…

– Очень точное определение, – сказал я. – Спасибо, сэр Рокгаллер! Сэр Норберт, что насчет безопасности нашей империи?

Норберт, что не успел сесть, повернулся ко мне, прямой, как рыцарское копье, сухой и костистый, даже с виду твердый, как ствол матерого дуба, взглянул сурово и прямо.

– Ваше величество, – ответил он бесстрастным голосом, – тревожных новостей нет, хотя, конечно, кто знает, что на дальних рубежах. Но я послал с вашего разрешения на все кордоны наших людей. А что касается маркизы…

– Да, слушаю.

– Вокруг нее вьется много народу, – сообщил он, – а теперь, когда у нее такое положение, будет еще больше, но все… безобидные. Светские хлыщи. Такие даже шнурки себе сами завязать не смогут, могут быть опасны только своей непроходимой дуростью и наглостью. Вообще-то можно от них изолировать…

Я покачал головой:

– Не нужно. Пусть все идет, как и прежде.

Дверь приоткрылась, вполглаза заглянул Хрурт:

– Ваше величество!.. Маркиза…

– Впустить! – велел я.

Он открыл дверь шире и ждал, наконец раздался далекий стук каблучков. В кабинет влетела Жанна-Антуанетта, с раскрасневшимся лицом и заплаканными глазами, в руке сиротливо трепещет клочок бумаги.

Бобик поднял голову, посмотрел на нее мрачно, но бумага не кусок мяса, и он уронил голову на лапы и кончики моих сапог.

– Ваше величество…

Я в нетерпении выхватил из ее руки обычный листок бумаги с криво нацарапанным буквами, всего две фразы: «Маркиз умрет, если не будете выполнять наши условия. Первое и единственное требование: герцогство Клауренское должно получить автономию».

Альбрехт принял из моих рук листок, прочел про себя, затем уже ясным и четким голосом повторил все вслух.

Рокгаллер и Келляве молчали, Альбрехт взглянул поверх послания на меня:

– Ваше величество?

Я кивнул на застывшую в ожидании Жанну-Антуанетту.

– Маркизе неинтересны детали мужских разговоров, принц… то есть герцог, проследите, чтобы отдохнула, но отведите вон в ту комнату, там что-то вроде зимнего сада.

– Может, – предложил Альбрехт ядовито, – сразу в спальню? Уже почти ночь… Утешите плачущую женщину.

– Нет, – отрезал я, – у меня здоровые мужские вкусы, предпочитаю утешать веселых и хихикающих. Желательно дурочек.

Альбрехт галантно подал руку маркизе. Она чуть коснулась кончиками пальцев его руки и, одарив меня негодующим взглядом, отправилась с ним в что-то вроде зимнего сада, хотя, как думаю, здесь зимы не бывает.

– Кое-что проясняется, – сказал я, когда за ними захлопнулась дверь.

Теперь уже Рокгаллер задвигался, спросил с подозрением:

– А… что?

– К сожалению, – ответил я, – противник не требует ни мешки с золотом, ни бриллианты, ни даже место на троне в каком-либо королевстве. Это говорило бы о недалеком уме и скромных амбициях… Но требование автономии какому-то герцогству… гм… это уже серьезнее.

Альбрехт вернулся такой же строгий и серьезный, садиться не стал, прошелся вдоль стола и остановился за широкой спиной тучного Рокгаллера.

Келляве бросил на него косой взгляд.

– Да что там, – проворчал он, – за герцогство такое особенное? И где оно?.. Их тут как муравьиных куч в старом лесу.

– Пошлем проверим, – пообещал я. – Но дело не в особенности, а в том, что подталкивают к неким действиям, что за рамками обычного шантажа. Это интересно и… тревожно.

Альбрехт сказал серьезным голосом:

– Требование может оказаться ложным ходом. Да-да, чтобы отвлечь наше внимание.

Рокгаллер сказал с сомнением:

– Если срочно пошлем свою армию, чтобы не допустить вольностей, то засветимся, как любит говорить наше общее величество?

Я взглянул на скромно молчащего Карла-Антона.

– Карл… А вы что притихли? Вы единственный, кто хоть что-то может сказать об этом письме!.. Если о вас забыли, напомните сами! У нас тут без церемоний, мы не на параде.

Альбрехт без всякого выражения на лице протянул ему листок. Карл-Антон опустил его на стол, прикрыл ладонью и устремил взгляд в далекую стену с портретами прежних императоров.

Мы терпеливо ждали и даже не двигались, дабы не нарушить сосредоточение мага, наконец Карл-Антон вздохнул, взял листок и переложил на стол поближе ко мне.

В глазах чародея я уловил глубокое сочувствие.

– Ничего, – сказал он. – Кроме следов маркизы и герцога Альбрехта, абсолютно ничего. А это значит, очень умелые люди сняли их целиком и полностью.

– А что, – спросил я, – были?

Он кивнул:

– Всегда остаются. Дайте мне любое письмо из тех, что поступают вам от придворных, я скажу от мужчины или женщины, как выглядят и где живут, а также в каком здравии, какие у них привычки, пристрастия, что предпочитают на завтрак, а что на ужин… Да и многое чего еще!. А если я их видел при дворе или вообще где-то, назову имена и титулы.

– Значит, – пробормотал я, – все-таки что-то о противнике узнали. Среди них есть маги. И нехилые, верно?

– Сильные, – подтвердил он. – Так чисто убрать очень нелегко. Заклятие должно быть в самом письме, пока его нес посланец, чтобы убрать и его следы, а затем

исчезнуть, потому что по заклятию тоже можно узнать многое… А у нас абсолютно чистое письмо.

– А по чернилам? – спросил я.

– Черника с сажей, – ответил он. – Как и везде, или сажа в масле.

Я сказал медленно:

– Но черника местная отличается по составу от черники, что растет в соседнем королевстве. Даже от той, что на той стороне реки.

Он посмотрел на меня с уважением.

– Правда? Хотя да, там же другая земля. Где-то суглинок, где-то подзол… Да и вообще черника, что выросла на том месте, где сгнил дуб, хоть на чуть-чуть должна отличаться от той, что выросла на месте сгнившего вяза… Я над таким не задумывался, но вы, ваше величество, откуда такое знаете?

– Император должен знать все, – сообщил я величественно. – Тем более ваш император! Знание – сила! Значит, если по письму ничего, будем искать другие пути и возможные возможности. Невозможные тоже рассмотрим, но чуть погодя. Помогите сэру Норберту расставить сети на таинственного гонца с письмами.

Он поклонился:

– Слушаюсь, ваше величество.

Я сказал значительно и для всех:

– Пока в нашем Багдаде все спокойно, сосредоточимся на этой угрозе. Будут какие-то идеи, выслушаю с интересом.

Альбрехт первым поднялся, подавая и остальным сигнал, коротко поклонился. Сэр Рокгаллер напялил на голову богато украшенную золотом шляпу ярко-синего цвета с белоснежными перьями, Альбрехт поправил манжеты, только Норберт не повел и бровью, камзол на нем сидит, как собственная кожа, а

шляпы еще не завел, достаточно и тронутых сединой коротко подрезанных волос.

Все медленно направились к выходу. Я выждал, а когда последним взялся за дверную ручку Альбрехт, сказал с угрозой:

– Герцог, а вы куда?..

Он вздохнул.

– Ах да, что мы за мужчины, забываем о женщинах… Но, может, оставить? Утешите…

– Забирайте, – велел я. – Я пока что не Иисус Христос, слава богу. Утешать плачущих и ревущих на моей доблестной груди – не моя епархия. У них кроме слез еще и сопли.

– У красивых женщин? – спросил он с сомнением. – Я уверен, они идеальны во всем.

– Еще встретим таких, – заверил я. – Наш поход только начался! Чудовищ встречали, встретим и женщин.

Он вздохнул, отправился в зимний сад, пусть он не зимний и не сад. Я опустился за стол и сделал вид, что как солидный государственный деятель занимаюсь бумагами и судьбами империи, тревожить меня в таком состоянии непозволительно и чревато для державы.

Жанна-Антуанетта вышла с Альбрехтом под руку, то есть слегка касаясь его предплечья кончиками пальцев в ажурной перчатке. Несмотря на блестящие от слез глаза, личико ее ангельски прекрасно, спина прямая и полная достоинства, а низкий вырез платья заставляет забыть даже о дивной прическе с голубыми волосами.

Я приподнял голову от бумаги и сказал усталым голосом и с предельным оттенком доброжелательности:

– Спокойной ночи, маркиза!.. Мы сделаем все, чтобы решить!

– Спокойной ночи, ваше величество, – прошелестела она слабым от слез голосом, – я верю вам…

– Умом мое величество не понять, – согласился я, – аршином общим не измерить. Отдыхайте, маркиза.

До вечера успел принять лорд-канцлера и графа Никласа Томандера, оба набрали штат в свои департаменты и пришли за подтверждением о расширении полномочий, а также выслушал сообщение, что постоянно прибывают послы из королевств, где храбрые да инициативные, пользуясь моментом, пока коронованные властители в глубине пещер ожидают конца света, захватили троны и спешно прислали своих доверенных людей, стараясь заручиться моей поддержкой и обещая полное и беспрекословное послушание.

– Принимайте, – разрешил я. – Для прежних королей мы узурпаторы, а эти сами узурпаторы, так что будут нам верны за поддержку их узурпаторства, которое назовут как-то иначе.

Граф Варессер поклонился:

– Мудрое решение, ваше величество.

– Но вы недовольны? – поинтересовался я.

– Конечно, – ответил он. – Это неправильно с точки зрения права и законности, однако в данной ситуации стоит держаться реальности. Вы решаете правильно, ваше величество! И даже без колебаний.

– Без мук совести? – уточнил я. – Совесть политика должна быть гибкой. Будем придерживаться варианта, что бессовестно было покидать народ на гибель и прятаться в пещеры!.. Неважно, что другого пути выживания не было. Народу нужны эмоции, а не убедительные расчеты.

Он поклонился, отступил.

– Ваше величество, не засиживайтесь на работе. Уже поздно. Доброй ночи!

Я посмотрел в окно, в темном небе ярко блестят звезды, под столом шумно сопит Бобик, иногда дрыгает во сне лапами, пихая меня в сапог.

Уловив паузу, молча подремывающий на приставном стульчике у двери Хрурт встрепенулся, вскочил.

– Ваше величество!.. К вам герцогиня Херствардская. Впустить?

– И давно она в коридоре? – спросил я. – Впусти, конечно.

Герцогиня вошла быстрыми шагами, присела в поклоне, но тут же по моему жесту поднялась.

– Самантелла, – сказал я, – вы великолепны, но чем-то озабочены?.. Сядьте, пожалуйста.

Она послушно опустилась именно в то из кресел, на которое я указал взглядом, всплеснула руками.

– Ваше величество, я, как вы и велели, собираю слухи и настроения двора. Все жужжат, обсуждают каждый ваш шаг, как и ваших приближенных, что и понятно, но этих разговоров становится больше, и в них все больше, уж простите, осуждения.

Я пожал плечами.

– Но мечи в наших руках?

Она улыбнулась.

– Я же вижу, вы не всерьез!.. Ваше величество, я знаю, на Севере люди свободнее в выражении чувств. А здесь не только Юг, но столица империи Волсингейн, а в ней императорский дворец, в котором все сложнее, невероятно сложнее, чем где-либо!..

Я понимаю ваше желание вести себя по-северному, однако же…

Я сказал с неудовольствием:

– Иначе мир рухнет?

Она ответила мягко:

– Пойдет трещинами, а это серьезно. И совершенно не нужно вам. Если и собираетесь что-то менять, а вы собираетесь, чувствую, словно приближение грозы, то умоляю, нужно медленно, постепенно, постоянно прислушиваясь к высшему обществу! Прислушиваясь очень внимательно и настороженно.

Я поинтересовался:

– Это вы к чему, герцогиня?

Она чуть улыбнулась.

– Вы уже поняли, ваше величество. Да-да, в интересах империи Жанну-Антуанетту нужно приблизить. Приблизить по-настоящему. Вы плохо умеете притворяться, великий завоеватель!.. По вашей реакции вскоре все поймут, что Жанна-Антуанетта только идет с нами, но вам не близка. А это хоть и не очень большой, но все же урон репутации. А зачем?

Я вскочил, некоторое время постоял, грозно высясь над столом и упираясь в него обеими пятернями.

Герцогиня встала и присела в реверансе, виновато опустив голову. Я сказал, сдерживая раздражение:

– Нет, Самантелла! Нет. Во всякой случае, не в этот раз. У нее несчастье!..
С моей стороны будет не совсем красиво. Как будто пользуюсь случаем.

Она подняла голову, взглянула мне в глаза.

– Вы слишком щепетильны, – сказала она с укором. – Императорам это не свойственно.

– Я не урожденный император, – огрызнулся я. – До того как я стал им, я был человеком!

– Это заметно, – сказала она со вздохом. – Вы даже были хорошим человеком, как иногда кажется. Хорошо, спокойной ночи, ваше величество! Пришлю вам Мишеллу. Она в самом деле милая и чудесная…

– Нет уж, – сказал я сварливо, – если уж взяли на себя обязанность следить еще и за уровнем моего тестостерона, то сегодня поддерживать его в норме предстоит вам!

Она ответила негромко, пряча улыбку за низким поклоном:

– Как скажете, ваше величество. Не знаю, что такое тестостерон, но сделаю все для вашего здоровья и хорошего расположения духа. Ваше слово выше любого в империи!

Глава 3

Проснувшись на рассвете, я сотворил чашку крепкого горячего кофе, а когда рядом завозилась и начала открывать глаза герцогиня, приложил палец к ее губам.

Она поняла, кивнула одними ресницами. Я передал ей чашку, а себе сделал другую. Герцогиня как можно неслышнее приподнялась, опираясь спиной на изголовье, приняла чашку, ухватившись за изящную фарфоровую ручку.

Я молча сделал глоток, горячий напиток еще не коснулся гортани, но я ощутил, как побежал по жилам и нервной сети, поднимая их с постели, ибо мир несовершенен, а кто, если не мы?

Герцогиня осторожно коснулась губами края чашки, я видел, как расширились и затрепетали крылья изящно вырезанного носа, а глаза заблестели.

Приблизив губы к моему уху так, что коснулась, прошептала едва слышно:

– Ваше величество… а это разве не магия?

– Нет, – ответил я так же тихо, – это волшебный напиток!..

Она улыбнулась.

– Хорошее объяснение. У вас все получается хорошо, ваше величество. И даже этот кофе.

– Польщен, – ответил я тоже шепотом.

Я осушил до дна первым, выждал, когда герцогиня справится с содержимым своей, принял из ее руки и осторожно, стараясь не стукнуть донышком, опустил обе на столик рядом.

Через минуту по ту сторону полога послышались деликатное покашливание, шаги, но полог распахнулся без всякой деликатности.

Принцесса Джеззефина грациозно присела, а принц Кегельшир со всей почтительностью поклонился. Оба нарядные, но строгие, исполненные величия и значимости момента и государственной важности церемонии.

– Доброе утро, ваше величество… доброе утро, ваше высочество…

– Утро доброе, – ответил я бодро.

С постели мы слезли по разные стороны, герцогиню одевают ее фрейлины, меня лица из самых знатных семей империи. Штаны несли из дальней гардеробной, передавая из рук в руки от баронов к графам, те вручали герцогам различных оттенков знатности и родства, а дальше всего пять-семь принцев с поклонами друг другу, пока престарелый Шильдерер не опустился на одно колено и держал их растопыренными, чтобы я не промахнулся, вставляя ногу.

Я вяло подумал, что это еще ничего, а вот когда несут таким же макаром жаркое из императорской кухни, то успевает не то чтобы остыть, но и замерзло бы, будь здесь зимы.

Дальше церемониальный завтрак, когда мы с герцогиней отведывали блюда, а за нашими спинами торчало человек двадцать из числа все тех же знатнейших семей империи, а вдоль противоположной стены еще человек тридцать, тоже знатнейших и благороднейших, уже напудренных и накрашенных, словно для ночных развратов.

Обязательную чашку горячего крепкого кофе делать за столом не стал, это возвысит меня, как мага, но умалит достоинство императора, любой властелин выше всякой работы.

Ладно, в придворном этикете не предусмотрено, что император не может создавать напитки в уединении или в узком кругу с друзьями. А в постели буду и впредь успевать, до того как «высшие лица империи» раздвинут полог.

Герцогиня сказала тихохонько:

– Ваше величество, а почему никто из ваших героев не присутствует при вашем завтраке?.. Предпочитают при обеде?

– При обеде и я не буду, – сообщил я. – Сожру что-нить на бегу, у меня работы полно!.. И все мои люди прежде всего работники.

Она взглянула с непонятным выражением, как можно признавать себя работником, это же самый низший класс, высший никогда не запятнает себя никакой полезной работой.

Двое слуг с абсолютно нейтральными лицами вошли в зал, держа за ручки носилки с огромным тортом посредине, герцогиня переключила внимательный взор на это произведение искусства, а я уже прикидывал, что сделать уже сегодня, чтобы отвести от себя неприятную угрозу шантажа.

– Ваша светлость, – сказал я тихонько, – не обращайте на меня внимания, ешьте. Я углубляюсь в высокие думы.

Она улыбнулась уголками губ.

– Да, о женщинах думаете меньше всего. Хотя все женщины империи думают о вас, ваше величество!

– Спасибо, – ответил я шепотом, – умеете аппетит испортить.

– Ох, – сказала она виновато, – я вам испортила?

– Щас, – сказал я злорадно, – так я и дам испортить!.. Император без аппетита – горе для страны!.. А я о ней забочусь, кто бы подумал. Потому ем хорошо и много. Нельзя ли поторопить десерт?.. Что-то завтрак затягивается.

– Все рассчитано по минутам, – напомнила она. – Вот уже пять тысяч лет!

Я криво улыбнулся, смолчал, на такие темы мужчине даже говорить неловко, и больше не реагировал ни на смену блюд, ни на яркие пятна придворных, что передвигаются вдоль стен согласно дворцовому протоколу, тихие и почтительные, благоговеющие от восторга, что допущены лицезреть всевластного императора за утренней трапезой.

В моем мире абсолютной властью обладали разве что фараоны, как затем шахи, падишахи, султаны и халифы. На более молодом Западе к абсолютной власти так и не успели прийти: в ходу сперва были советы племен, которые переродились в парламенты, сенаты, конгрессы, а в России нашли третий путь: там было самодержавие, ограниченное светскими салонами.

Здесь же самодержавие было ограничено властью Великих Магов, но я смел эту власть… и только сейчас с испугом понимаю, что ничего взамен предложить все еще не могу.

Но смести было необходимо, Великие Маги не смирились бы с моей властью, как и меня абсолютно не устраивала их власть. Раздумывать и планировать было некогда, Маги вот-вот выйдут и вернутся в свои Башни, так что я поступил, как и поступают в цугцванге да еще и в цейтноте.

И вот сейчас власть над властью императора исчезла. Это примерно так, как если бы в Средневековой Европе вдруг исчезла церковь, что скрепляла ее в единое целое и задавала смысл жизни и существованию. Церковь помазывала на царствие, а отлучение было приговором для любого короля. Императоры получали корону только из рук Папы Римского, что превыше всех императоров на земле.

И вот теперь…

Закончил завтрак я, надеюсь, по протоколу, хотя и не старался, об этом позаботилась герцогиня, поднялся из-за стола с мыслью, что у меня нет опоры ни на оставшуюся на северном континенте церковь, ни на здешних Великих Магов, а без опоры даже не знаю что получится. Здесь не поможет ни Маркус, ни моя общая продвинутость, когда все население империи, от самого верха и до низа, даже не понимает, чего я хочу…

Я вздрогнул, обнаружив, что уже иду по широкому коридору в сторону лестницы, справа сэр Альбрехт, а слева граф Келляве. Мой инстинкт опасности не сработал и не предупредил, значит, все еще не враги.

– Нет, – сказал я зло, – и не уговаривайте! Отца Дитриха с его армией попов сюда не позову! Во всяком случае, не скоро.

Они взглянули с удивлением, Альбрехт заметил бесстрастно:

– Мы о нем и не заикались… Хотя раз уж вы вспомнили, то можно…

– Нельзя, – отрезал я, поинтересовался уже более мирно: – А как вы сумели отрезать длинный хвост этой праздной публики, что, согласно протоколу, тащится следом?

Они переглянулись, Альбрехт заметил холодновато:

– А это не вы сами их… остановили? Я что-то не заметил за сэром Гастоном, чтобы он как-то заметно…

– Да и я за вами, – ответил Келляве. – Может, герцогиня, что управляет всем этим действом? А то и сам сэр Ричард воспользовался каким-то знаком, что желает без сопровождения?..

– Просто оскалил зубы, – предположил Альбрехт, – а то и зарычал. Это тоже действует.

– Да, – согласился Келляве, – сэр Ричард зубы ощеривает все чаще. Хотя мог подмигнуть какой-то с вот такими. А вот альтанка, а там его кто-то уже ждет, томясь мукой сладкой…

– Тогда свернем, – предложил Альбрехт. – Или нет?

Я поморщился:

– Вот так легко все сворачивают на треп, когда нужно о серьезном. Давайте о наглых шантажистах. Что известно?

Келляве благоразумно промолчал, хотя его набундюченный вид сказал за него многое.

Альбрехт поинтересовался:

– А что могло измениться за короткую летнюю ночь? Люди Норберта еще не добрались, думаю, до того герцогства. Зато здесь двор оживает…

Во дворе за ночь прибавилось стражников в форме с золотистыми ремнями, вставками, даже шлемы из металла, блистающие золотом, хотя вряд ли это золото.

Сэр Юстер, командир императорской стражи, добирает комплект взамен разбежавшихся, а также тех, что ушли со Скагерраком, зато новых даже ночью гонял на плацу, обучая непривычной для них службе при дворце с придворными особенностями.

Экипажей в отведенном для них месте тоже прибавилось. Возвращаются убежавшие в свои имения ввиду конца света знатные и знатнейшие лорды и

лордессы. Разумеется, еще не все. Кто-то не верит, что опасность миновала, другие выжидают, как поведут себя странные завоеватели.

Завидев нас, навстречу поспешил Норберт, взмахнул рукой в воинском приветствии. Взгляд прям и суров, словно допытывается, не разлагаюсь ли уже в этом слишком уж южном климате с очень доступными женщинами и вообще вольностями. Особенно когда мы завоеватели, бери все, что хочешь.

– Сэр Норберт, – поприветствовал я. – Как жизнь?

Он не стал рассказывать, как у него с жизнью, ответил кратко:

– Установлен кордон в три ряда. Один заметный и два тайных. Сэр Карл-Антон очень помог.

– Да-да, – сказал я, – с этого момента подробнее!

Он взглянул с некоторым неудовольствием.

– Что касается самой маркизы, то наблюдение за нею плотное. Все подходы к ее дому просматриваются днем и ночью. Ожидаем уже сегодня…

– Почему сегодня?

– Интуиция, – ответил он уклончиво. – Раньше – чересчур, позже – слишком. Сегодня самое время. Вряд ли хотят тянуть, давая вам время подготовиться и передумать.

– Хорошо, – ответил я величественно. – Кто в команде захвата?

– Умелые, – сообщил он. – Я поручил Чекарду, а тот все на лету хватает.

– Он хорош, – согласился я. – Чекард!

Чекард подбежал словно из ниоткуда, вытянулся, четкий, бравый и с выпяченной, как у боевого петуха, грудью.

– Ваше величество?

– Когда схватите гонца, – велел я, – немедленно оторвите воротник.

Норберт усмехнулся, отступил на шаг, я взглядом ответил, что да, не задерживаю, это мы с Альбрехтом и Келляве три бездельника, дефилируем, он удалился, собранный и деловитый, абсолютно не старающийся быть у императора в приближенных, а я повернулся к Чекарду.

Тот коротко поклонился:

– Да, ваше величество, как скажете…

Я увидел, как он дико скосил глаза в сторону своего плеча, сказал с сердцем:

– Да не свой воротник! Его!

– Все сделаем, – сказал он с облегчением, потом осторожно поинтересовался: – А зачем отрывать?

Я объяснил с высоты своих знаний:

– Там может быть зашито заклятие! Убьет его мгновенно, как только укусит себя за воротник, дабы не раскрыть тайну при допросе третьей степени. Ясно? Стандартная практика. Все так снаряжают.

Он посмотрел на меня с великим уважением.

– Вон оно у вас как… Даже стандартная… Все сделаем, ваше императорское величество!

Келляве промолчал, Альбрехт вздохнул.

– Даже не слышал, чтобы кусали себя за воротник.

– Дикари, – определил я. – Умереть за отечество – это же прекрасно! Любой дурак сможет красиво пасть в яростной битве с мечом в руке, а вот в тайной войне спецслужб такой чести удостоены только избранные… Это подвиг во славу!

– Тех, кто послал?

Я развел руками:

– Солдаты тайных служб гибнут безымянными. Награды и льготы получает семья. А за что – не разглашается. Но несмотря ни на что, кусать себя за ворот обязательно!

Чекард подтянулся, ответил четко:

– Сделаем, ваше величество!.. Оборвем не только воротник, но и рукава! А то вдруг и там заклинание…

Я поморщился:

– Связанные за спиной руки вряд ли укусит… Выполняйте!

Глава 4

Келляве проследил взглядом, как Чекард на бегу прыгнул в седло коня, даже не коснувшись стремени, на лице задумчивое выражение, словно пытался вспомнить, мог ли так сам в далекой молодости, а я сказал Альбрехту:

– Нужна подробная карта империи Скагеррака!.. С учетом наших запросов! Сегодняшних.

Он кивнул:

– Уже делают. Сэр Норберт распорядился нанести на существующие… Думаю, уже мог и закончить.

Келляве встрепенулся, сказал живо:

– Сэр Ричард, ну что вы так?

– Ну? – спросил я с неудовольствием.

Он сказал внушительным тоном, но с поспешностью:

– Ваше величество, так и мы привыкнем называть ее его империей! Хотя это вообще-то Клондзейд, именуемый империей Изначального Света! А Скагеррак – это один из ее бывших правителей, еще помните такого?.. Всего лишь! Либо Клонзейд, либо империя Ричарда Длинные Руки!

Я сказал с подчеркнутой виноватостью в голосе, надо почаще показывать соратникам, какие они умные:

– Вы правы, граф, слишком большое значение придаем личности в истории! На самом деле исторические процессы важнее, а также закономерности развития и появление новых слоев общества типа разночинцев и карбонариев.

Он вряд ли что-то понял, судя по его лицу, но остался доволен как моим ответом, так и собой, вроде бы возразил мне, поправив самого императора, но одновременно и польстил, что вообще-то даже для опытных царедворцев из южан верх умелого поведения при дворе.

Альбрехт взглянул с иронией, но смолчал так красноречиво, что я почти услышал, как он говорит: «Успех в войне или в строительстве всегда приписывают одному. Ни толпа, ни биографы не обращают внимания на общие труды».

Мы продолжали медленно двигаться по аллее, Альбрехт и Келляве со снисходительностью вельмож отвечали на поклоны прогуливающихся придворных, я наклонял голову совсем изредка, делая вид, что весь в государственных размышлениях о величии империи.

– Вся операция по захвату дерзких, – спросил он, – поручена сэру Норберту?

– А также герцогу Альбрехту, – добавил я и уточнил в задумчивости: – А он точно не принц?..

– Идите к дьяволу, ваше величество, – сказал Альбрехт с сердцем. – У вас же всегда была память, как вот эти булыжники, по которым идем! Ничто ее не брало.

– Хорошее сравнение, – ответил я беззлобно, – просто в самом деле не могу вспомнить. Собирался же в честь столь великой победы над Югом всех соратников перевести на ступеньку выше. В смысле, баронов в графы, герцогов в принцы… хотя бы выборочно, но не помню, сделал ли…

– Разве что в мечтах, – сказал он.

– Почему?

– А нет великой победы, – напомнил он. – Юг почти не заметил нас. Живет своей жизнью!.. Настолько велик и огромен, что проглотит нас и тоже не заметит, как проглотил и что проглотил.

Я подумал, кивнул:

– Неприятно такое узнать, герцог. Да, теперь вижу, что прежний герцог. Доброго слова от вас не услышишь!.. Но вообще-то как-то случайно вы угадали. Я вот мудростью беру, а вы постоянно угадываете. Южане у нас ничего не взяли, хотя победители и даже спасители мы, а мы уже и одеваемся, как они, и манеры перенимаем, и наша северная мораль под их солнцем тает, как лед под жаркими лучами… Даже как снег, что совсем обидно. Что докладывают наблюдатели?

– За маркизой? – уточнил он. – Ждут. Им подглядывать за красивой женщиной еще как нравится. Окна в ее покоях по вашему приказу всегда распахнуты, а они как вороны на дереве перед ее покоями… Во дворе она тоже частенько появляется без сопровождающих. Да и двери в ее апартаменты не заперты.

– Не слишком очевидно?

– Наш противник понимает, – напомнил он, – что установим наблюдение.

– А мы понимаем, – ответил я, – что он понимает. Ладно, посмотрим, кто кого перенаблюдает. Господь испытывает всех, кого считает достойным, потому трудностям нужно радоваться, хотя у меня с гражданским чувством нелады. Если человек дерьмовый, Господь на него вообще внимания не обращает, зато достойных подвергает всяким тяжким испытаниям.

– Ох, – сказал он с тревогой, – не нравятся мне такие речи.

– Мне тоже, – согласился я. – Лучше бы других испытывал, верно?.. Вот-вот.

Он полюбопытствовал:

– А чем же вас испытывает, сэр Ричард?.. У вас все как по маслу у богатого крестьянина.

– Да? – спросил я. – Любой крестьянин живет в сто тысяч раз счастливее и беспечнее!.. Свободен и ни за что не отвечает. А на меня Господь взваливал ношу все тяжелее и тяжелее, но я кряхчу и как-то ухитряюсь тащить, хотя бы и ползком… И вот в конце концов послал мне последнее испытание, самое тяжелое…

Он спросил тихонько:

– Багровую Звезду?

Я взглянул на него искоса.

– А-а, поняли? Вот-вот. Испытание безграничной властью! Как распоряжусь?..

Он промолчал, потом взглянул искоса.

– А почему вы решили, что это последнее испытание?

– Типун вам на язык, – сказал я в сердцах, – и на все прочие места!

Впереди на аллее раздались испуганные крики, через пару мгновений из-за роскошнейших вечноцветущих кустов выметнулся зловеще-черный пес, громадный и устрашающе мускулистый, да еще с багровыми, как раскаленные угли, глазами.

Придворные с облегчением вздыхали, когда он проскакивал мимо, и вслед ему старались выдавить улыбки, собачка принадлежит его величеству, а это значит, в адрес его любимца непозволительно не то что грубого слова, но даже взгляда.

Правда, насчет подружиться с ним даже подумать страшно, хотя еще никого не съел и даже не оторвал руку или ногу, но на такого даже смотреть страшно.

Келляве потрепал зверюшку по крупной лобастой голове, у быка и то меньше, Альбрехт небрежно чеснул вдоль хребта, крупных и мускулистых собак любят все, кто их не боится.

– Похоже, – сказал Келляве веселым голосом, – есть новости!

Он кивнул в сторону ворот, там в распахнутые створки влетел на легком горячем коне бездоспешный всадник и, завидев нас, развернул коня и лихим наметом понесся в нашу сторону.

Бобик заинтересованно вышел вперед, всадник бестрепетно обогнул его по дуге, там Келляве уже протянул требовательно руку. Гонец на ходу вложил в растопыренные пальцы лист бумаги, конь послушно остановился, часто поводя раздувающимися боками.

Не говоря ни слова, Келляве передал бумагу Альбрехту, а тот мне. Я развернул вчетверо сложенный лист, там всего две короткие фразы: «Не пытайтесь нас обмануть. Мы знаем о каждом вашем шаге».

Альбрехт молча принял из моей руки записку, прочел и передал Келляве, а я пытался выжать как можно больше из краткого послания. Было бы больше слов, хоть каких, было бы лучше понять противника. А так… Знают о каждом шаге, это значит всего лишь то, что так написали, но, с другой стороны, это не значит, что в самом деле знают. Такое можно написать заранее, я точно не буду сидеть сложа руки, они это понимают.

Не упомянули о моих возможностях, хотя это не значит, что не знают. Хотя, думаю, могут узнать о том, как я получил во владение маркизат Черро, а это уже важные сведения.

Как и то, что сейчас я властелин Багровой Звезды Зла.

Тревожное в том, что посмели обратиться с таким дерзким требованием, словно абсолютно уверены, что моя армия могучих демонов, сокрушивших мощь Великого Мага Гаториуса в его же крепости, бессильна перед их мощью и что даже всесильный Маркус не справится с ними, а это уже очень серьезно.

Потому это «Не пытайтесь нас обмануть», можно трактовать не как опасение с их стороны, что могу обмануть, хотя хочется понимать именно так, эта строка может быть простым нежеланием, чтобы я тратил время на безуспешные попытки.

Конечно, можно бы задать проверочный вопрос типа «А что я ел на обед?», но это слишком по-детски, и вряд ли станут отвечать. Не только из опасения раскрыть источник при дворе, а вообще это не уровень общения солидных взрослых людей.

Альбрехт первым нарушил тяжелое молчание:

– Ваше величество?.. Игнорируем?

– Я бы с удовольствием, – ответил я вяло, – но, кто бы подумал, даже такая мелочь может пошатнуть устои!

– Ваше величество?

Я пояснил:

– Могут понять, что императору был брошен вызов, а он не ответил… А раз другим не ответил, то и нам не ответит…

– Тогда что?

– Встретимся, – ответил я, – через час в моем кабинете. Но только с сэром Норбертом и теми, кто под рукой. Остальные пусть работают, не отрывайте от дела.

Альбрехт по дороге остановил одного из слуг и велел найти герцога Дарабоса. Его императорское величество изволит, а это значит, хоть умри, но выполни быстро и качественно.

В кабинете мы втроем только-только рассаживались, когда двери распахнулись, из коридора быстрыми шагами вошел сэр Норберт, прямой и с суровым ничего не выражающим лицом.

Я кивнул ему на пару свободных кресел.

– Сэр Норберт… успели что-то узнать? Что за герцогство? Почему именно ему свободу от тирании?

Он сел, все такой же прямой, не касаясь спинки кресла, но и не укладывая локти на края столешницы.

– Ваше величество, – ответил ровным голосом, спокойным, но лишенным почтительности, – там не сказано насчет свободы от тирании. Что вы так уж сразу обиделись? Только ограниченная независимость в решении внутренних проблем. А так герцогство из империи выходить и не пытается. Во всяком случае, об этом не сказано.

– Но если имеется в виду?

– Тогда сделка с обменом недействительна, – уточнил он ровно.

Альбрехт со своего края стола подал голос:

– А что насчет налогов в королевскую казну?

– Похоже, – ответил Норберт, – платить не отказываются.

– Подумаем, – ответил я. – Независимость и свобода от тирании не одно и то же, хотя близко. Так что за герцогство?

Он сказал торопливо:

– Клауренское, весьма заурядное, с десяток городов и около сотни сел, населения не больше ста сорока тысяч, столица Арпань, расположена на правом берегу Коттена.

– Стандарт, – сказал я в нетерпении. – А чем-то особенным? Из-за чего кому-то важнее независимость герцогства? Независимость от империи может обернуться зависимостью от других игроков. Скажем, в землях много рутения, трансурановых элементов, гелия-три?.. Ладно-ладно, вижу по вашему лицу. Это такие магические элементы, что дают большую силу королям, которые ими обладают! Императоры тоже не прочь завладеть и… в общем, владеть.

Он в затруднении поморщил лоб.

– Да что-то не припоминаю. Разве что пара Зачарованных Мест… Или одно? Да, именно одно…

– Ну-ну!.. Вспоминайте, сэр Норберт!

– Но совсем хилое, – признался он. – И места почти не занимает. Начинается в болоте, даже болотце, заканчивается в месте, куда только дурак забредет. Там дремучий и зловонный лес, хотя в нем можно бродить и собирать грибы, зверье не водится, птиц нет, разве что муравьи, но и они не птицы вроде… Одна поляна совсем гиблая. Кто туда нечаянно зайдет, сразу как камень в воду… и уже не возвращается. Местный фольклор или правда, еще не проверяли.

Я повернулся к Альбрехту:

– Запомнили? Если там не обнесли те места флажками, надо самим.

Он посмотрел с подозрением:

– Уж не собираетесь ли…

– Надо, Федя, – сказал я твердо. – Если не мы, то хто?.. Пять тысяч лет прошло, а в Багдаде все спокойно?.. Даже больше, чем пять тысяч!.. Сколько бы Маркус ни прилетал, а Зачарованные Места даже с места не сдвинулись! Обидно и даже оскорбительно. Хотя меня тогда на Маркусе не было, а вот был бы я филигоном…

Он посмотрел на меня почти с отвращением, словно я вообще-то похож на филигона, по крайней мере манерами.

– Ваше величество, – сказал он, – успокойтесь, а то у вас ноздри раздуваются и гнев в ясном когда-то взоре… Вы не в ответе за прошлое.

– Человек за все в ответе, – возразил я величественно, – а император и вовсе может что-то подправить даже в прошлом. А то и вовсе переписать летописи, чтобы как надо, а не как всего лишь было! Детей нужно учить на возвышенных и даже возвышающих примерах.

Он поклонился.

– Понял, ваше величество. Думаю, сэр Альбрехт уже подумывает пригласить художников?

Альбрехт злорадно ухмыльнулся, схватил на лету, а я спросил с непониманием:

– Зачем?

– Парсуну писать, – объяснил Норберт. – В гордой позе и попирающего ногой… ну, что-нить крупное. Или очень-очень крупное!

– Только после полной и окончательной победы, – отрезал я, – а пока отыщите мне то герцогство на карте. Багеры туда как?..

– Уже смотрел, – ответил он. – Багеры проходят над ним, сверху все хорошо просматривается. Герцогство вообще-то мелкое, по населению скорее баронство, но по территории чуть ли не королевство… Наверное, какие-то древние привилегии. Остатки причальной башни еще видны. Так что да. Они по своей воле отсоединились и убрали причальные башни.

– Тем более, – сказал я. – Бунтовщики! Сепары. А я за единую и неделимую.

Он посмотрел на меня сурово и в то же время одобрительно.

– Да-да, конечно. Вы да чтоб выпустили что-то из своих когтей?

– Разве это не в наших интересах?

– Конечно, – согласился он. – Пока волны самого дальнего из морей не омоют копыта наших коней.

– У меня длинные руки, – напомнил я. – Длинные и загребущие! Государь с короткими обречен. Кто не гребет, того самого гребут. Вперед и с песней под знаменем Дарвина!.. Для технологического рывка в государстве должно быть не меньше десяти миллионов морд!.. Что смотрите? Ах да, вы и цифер таких не слышали… Так что никаких свобод и демократий!.. Империя единая и неделимая – вот девиз прогресса! И без таможенных пошлин…

В дверь заглянул Хрурт:

– Ваше величество!.. Члены вашего высокого совета! Впустить или гнать?

– Перестань со своими шуточками, – сказал я строго. – Демократ хренов! Больше почтения к аристократии!

Он в качестве извинения распахнул и вторую половинку массивной двери, в кабинет начали входить члены Тайного Совета и наиболее высокопоставленные из правительства. Все неспешно, но быстро, раз уже я здесь, непозволительно заставлять ждать самого императора.

Торопливо сели и сразу застыли, глядя на меня, только сэр Улагорнис некоторое время двигал задницей по сиденью, словно пытался ухватить ею за шляпку вбитый туда гвоздь.

Отдельной группкой держатся четверо из местных: граф Джулиан Варессер, лорд-канцлер то ли Клондзейда, то ли империи блистательного Ричарда

Длинные Руки, Грейгер Армстронг, владетель каких-то значительных земель империи, рядом с ним граф Никлас Томандер и граф Франк Хьюрстон, все трое рекомендованы в правительство герцогиней Самантеллой Херствардской, так как прошлый император практически сослал их в ссылку, отстранив от двора, теперь преданы мне, как вернувшему их ко двору.

Все уже в курсе дела, вижу по лицам, смотрят на меня, серьезные и внимательные, у всех облик высших государственных деятелей, то есть лица крупные, изрезанные глубокими складками и морщинами, глаза с двумя-тремя ярусами мешков, а еще крупные нижние челюсти, так что смотрятся внушительно, но, полагаю, в Высший Совет империи их брали не за достойную почтения внешность.

Граф Джулиан Варессер как лорд-канцлер империи заговорил осторожно первым:

– Ваше величество, поступок шантажистов дерзновенен и неслыханен. Вы, очевидно, уже знаете, как собираетесь поступить?

– Еще не знаю, – ответил я честно. – Выслушаю сперва ваши мнения, а потом выйдете из этого кабинета с моим… Но пока его нет, а это значит, буду составлять из синтеза ваших. Или на отскоке от ваших мудрых речей.

Альбрехт и Норберт помалкивают, как и осторожный Улагорнис, что все никак не умостится на деревянном сиденье, дают возможность выказать себя местным.

Граф Никлас Томандер проговорил с вопросительным оттенком в голосе:

– Как насчет личной встречи?

– Пока ни слова, – ответил я. – Что и понятно, зачем им раскрываться?

Он уточнил:

– Тогда можно предположить, что доставивший подметное письмо мог быть нечеловеком?

Я кивнул, хотя такое не приходило еще в голову, подумал с похвалой, что не зря созвал Совет, вдруг да еще какие-то дельные идеи выловлю.

– Верно, сэр Никлас. Это учтем и дадим нашим службам на проработку.

– А если письмо подбрасывает кто-то из местных слуг, – сказал граф Хьюрстон, третий из рекомендованных герцогиней. – Которые работают и живут при дворце?

– Тоже возможно, – ответил я, – хотя, как мне кажется, действовали как-то иначе. Могущественные люди, если они люди, не станут прибегать к таким простым действиям, свойственным слабым магам или правителям невысокого ранга. Судя по уверенному тону письма, они в самом деле ощущают свою мощь. Возможно, она вполне реальна.

Сэр Улагорнис скривил лицо, и лицо застыло в мучительном напряжении, словно наконец-то захватил шляпку гвоздя и пытается тащить, не давая выскользнуть.

– Ваше величество, – сказал он с усилием, – а не мог письмо доставить некий демон?

– У демонов нет своей воли, – напомнил я. – В нашем мире.

Он торопливо уточнил:

– А если на службе Странствующего Мага? Эти Странствующие, говорят, бывают сильнее Великих… Что опаснее, не ищут убежища в пещерах.

– Могут бродить неузнанными, – поддержал граф Хьюрстон. – А вдруг даже здесь?

Лорд-канцлер поморщился, вставил вежливо, но ответил с нажимом в голосе:

– Слухи. Как всегда, преувеличенные и раздутые досужими людьми, обожающими всякие стр-р-р-рашные тайны. И призванные дестабилизировать… да-да, дестабилизировать…

Он взглянул на меня с вопросом в глазах, я величественно наклонил голову.

– Мыслите абсолютно государственно, дорогой лорд-канцлер.

Он продолжил, заметно подбодренный:

– Я не вижу причину, по которой маг, достигший определенной мощи, не выстроил бы себе Башню, где мог бы совершенствовать свое мастерство без посторонних помех! Если этого не сделал, у него нет достаточной мощи.

Я кивнул, соглашаясь, но сэр Улагорнис так печально съежился, что я ответил мягче:

– Возможно, какие-то причины есть, нам неведомые. Не станем эту возможность вычеркивать, но перенесем в конец списка.

– Длинного списка, – согласился лорд-канцлер. – Представляю, какой он у вас!..

– И пополняется вашими усилиями, – ответил я любезно.

Альбрехт коротко усмехнулся, но это заметил разве что наблюдательный сэр Норберт, тем временем Улагорнис задержал дыхание, наконец вздохнул с таким облегчением, будто все-таки сумел вытащить проклятый гвоздь.

– Ваше величество, – сказал он с радостно заблестевшими глазами, – а что, если сделать вид, что соглашаетесь на их условия? Они обрадуются, начнут давить, чуточку раскроются…

Лорд-канцлер чуть наклонил голову, соглашаясь, игру нужно принимать, а там дальше видно будет, кто кого переиграет.

Неглупых деятелей порекомендовала герцогиня, подумал я. В интригах и переговорах чувствуют себя, как хищные щуки в прозрачной воде. Хорошо ориентируются и хорошо соображают. Не перечат, мои интересы соблюдают и стараются действовать в их русле, потому что мои интересы – их благополучие и безопасность.

Глава 5

Норберт и Альбрехт слушали, не вмешиваясь, а когда короткое совещание закончилось и местные вышли из кабинета, а с ними и Улагорнис с его гвоздем, Норберт взглянул на меня в упор.

– Но если примете их условие…

– Ну-ну?

– Представляете, – договорил он, – что начнется?.. Все наши северные скажут, из-за бабы наш лорд, за которым шли через бури и войны, готов поставить на кон все наши завоевания!

– Почему на кон? – ответил я. – Мы еще не знаем, что хотят эти наглецы. А вдруг желают нам великого счастья?

– Великого счастья желает только церковь, – уточнил Альбрехт. – И то не в этой жизни.

Норберт продолжал смотреть на меня в упор, как учитель на увиливающего от ответа ученика, а воинственно приподнятые кончики усов стали еще выше.

– Ваше величество, – произнес он с холодком, – а как насчет общественности? Вы обещали прислушиваться к голосу народа!

– Обещал, – подтвердил я. – Но народ в его лучшем проявлении – это моя армия и я!.. К себе и прислушиваюсь. Да и вообще, сэр Норберт, это игра. Не относитесь так уж серьезно! Посмотрим, кто кого переиграет. Я тоже не Ванька-Пряник.

Альбрехт повернулся к Норберту:

– Дорогой друг, а вы не заметили, что наш лорд часть побед одержал не в свирепой битве с мечом, а как бы помягче… в таких ситуациях? Нет-нет, я не говорю, что жульничал, блеф – искусство войны, а вовсе не то, что вы

подумали… да и я тоже. Наш великий вождь велик даже в малом.

Я сказал с неудовольствием:

– Герцог, вы не упускаете случая укусить. Ладно, вступаем в игру. Соглашаемся на их заведомо невыполнимые и бесчестные условия.

– А там нарушим соглашение и схватим? – спросил Норберт. – Ого, мы уже принимаем привычки бесчестного Юга!

Альбрехт поднялся, дружески хлопнул его по плечу.

– Пойдемте, дорогой друг. Я уверен, да и вы знаете, наш лорд соблюдает правила рыцарской чести!..

– А когда не соблюдет, – добавил Норберт, – то успевает объявить их не соответствующими нашему кодексу!

Он тоже встал, поклонился.

– Ваше величество…

– Сэр Норберт, – ответил я.

Альбрехт поклонился с еще большей учтивостью, хотя и без размахивания шляпой.

Когда вышли из кабинета, я некоторое время смотрел им вслед, словно рассматривал прямые спины с красиво развернутыми плечами. Все чаще не останавливаю и не поправляю соратников, когда вместо привычного «сэр Ричард» обращаются королевским, даже императорским титулом.

Да и ладно, если им так удобнее вашевеличествовать, то мне пофигу. Люблю их, как старых, что прошли со мной с самого начала, так и тех, кто присоединился позже, еще не зная, что выйду победителем.

Разве это не лучшее доказательство, что со мной не из корысти?

Дверь за обоими давно захлопнулась, а я все еще смотрел в обшитую золотыми накладками поверхность, стараясь отогнать мысль, что люди меняются, даже старые соратники могут однажды встать на другую сторону, но помахал ладонью, отгоняя демократические мысли, и резко поднялся.

– Хрурт!

Дверь распахнулась, вполглаза заглянул Периальд и, прежде чем я успел что-то сказать, проревел трубным голосом:

– Ваше величество… Его светлость сэр Карл-Антон!

Я поморщился.

– Ты уже прям церемониймейстер! И голос, и фигура…

– Стараюсь, – сообщил он гордо. – Вдруг да удостоите!..

– Почему бы и нет? – ответил я. – Долго ли? Но чтоб телохранитил, как и раньше. А также бдил, тащил и не пущал!

– Это само собой, – ответил он счастливо, весь сияя, – от этого никогда ни за что! Но церемоний… мейстер!.. Это же ого-го!.. Вот что значит вовремя подменить Хрурта!

– Звучит, – согласился я. – Надо будет дать тебе еще и звание престидижитатора. Впусти, Карла-Антона, а то за растопыренным хвостом уже и забыл, зачем заглянул?

Он охнул, исчез, тут же через порог ступила высокая костлявая фигура в длинном халате и в широкополой шляпе с высокой тульей, отличительный знак магов и чародеев.

– Ваше величество…

Он приподнял край шляпы, открывая костлявое, как у щуки, лицо с глубоко запавшими глазами, кожа похожа на кору дерева, такая же толстая и с морщинами, что не меняются столетиями.

Я приветливо помахал из-за стола рукой:

– Заходите, Карл, присаживайтесь. Мы же маги, к чему нам церемонии! Император я в последнюю очередь, это рутина, а магством горжусь. Это искусство, обещающее вырасти из коротких штанишек и стать высокой наукой!

Он степенно подошел к столу, на этот раз через плечо перекинута сумка из потертой кожи неизвестного мне зверя. Широкий ремень врезается достаточно сильно, но чародей выглядит довольным и бодрым.

– Ваше величество, – сказал он с вежливостью человека интеллигентной профессии, – как вы и велели, принес еще часть разгаданных амулетов.

Я уточнил с укором:

– Карл, попросил, а не велел!

– Просьба императора, – ответил он учтиво, – равна приказу. Да мне и самому жаждалось. Не представляете, как хотелось разгадать их возможности. В этом же вся наша жизнь, ваше величество! Понимать и разгадывать!

– Понимаю, – ответил я со вздохом, – потому так и популярна археология.

– Археология? – спросил он заинтересованно. – Это что?

– Грабеж могил, – объяснил я, – закамуфлированный не то под науку, не то под искусство, хотя там не пахнет ни тем ни другим. Но мы отвлеклись, сэр Антон. Да сядьте же!

Это прозвучало как приказ, он послушно сел, снял с плеча сумку. В его руках не казалась тяжелой, но когда опустил на стол, столешница из толстого старого дуба крякнула и заметно прогнулась.

Я взглянул на чародея с интересом:

– Хороший улов?

– Увы, – ответил он скромно, – не очень много.

Я смотрел, как бережно вытащил из кармашка сумки несколько амулетов, колец, выложил их на краю стола цепочкой, а потом перевернул уже и саму сумку.

Посыпалась, как мелкая сверкающая рыбешка, куча амулетов, талисманов, ярких и блистающих. В центре столешницы выросла играющая всеми цветами радуги горка драгоценностей, но не простых, что хранятся в шкатулках, то как раз носимые, либо расположив их под горлом или на груди, либо прицепленными к одежде, как броши или медали, а еще с дюжину колец и перстней.

– Здесь не все, – сказал я сварливо, – признавайтесь, остальное бессовестно сперли?

Он ответил с улыбкой, показывая, что ценит юмор:

– Если присвою хоть камешек, узнаете, уверен. Только потому ничего не изъял, а то бы, конечно. Здесь то, что удалось понять, как действует.

– Поймете и остальные, – заверил я с оптимизмом.

– Может быть, – сказал он многозначительным тоном, – вы поймете раньше.

– Ну-ну, – ответил я, – у меня другая специализация.

– Боюсь и представить, – сказал он. – Вот эти, ваше величество…

Я не стал снова напоминать, что я для близких сторонников сэр Ричард, тем более что мы наедине, а не на официальном приеме, а он принялся подробно объяснять свойства этих амулетов, и чем ценятся эти кольца и особенно перстни, умеющие поглощать рассеянные в воздухе частицы магии.

– А-а, – сказал я, – а как вообще-то, роясь в той горе амулетов, как свинья в желудях, идея присвоить… пусть не все, а самые мощные? Сама возможность сильно допекала?

Он вздохнул, взглянул искоса, во взгляде промелькнуло смущение.

– Ваше величество…

– Не стесняйтесь, – сказал я подбадривающе. – Мысли – это всего лишь мысли. Решения – это другое.

– Вы правы, – ответил он. – Но вы гораздо интереснее, ваше величество. Я не верю, что вы сын герцога Готфрида. А то, что незаконнорожденный от какой-то крестьянки – прекрасный повод скрыть, откуда вы на самом деле. Я уверен, что вы не из этого мира…

Он умолк как бы на полуслове, давая мне возможность досказать остальное, взглянул остро.

– Ну-ну, – сказал я.

– Вы из некого Скрытого королевства! – выпалил он, не сводя взгляда и отслеживая каждое движение моих лицевых мускулов. – Вы знаете то, чего не знают лучшие умы ни на Севере, ни на Юге!.. Хотя за Юг не очень уверен, но, как мне кажется, и на Юге не знают, иначе здесь бы мир был бы другим.

Я ощутил, как внутреннее напряжение постепенно разжимает железную хватку на моей груди, вздохнул, а в глазах Карла-Антона мелькнуло разочарование.

– Интересное предположение, – сказал я.

Он ответил с печалью в голосе:

– Да ладно, уже вижу, мимо… Вы нечто еще более таинственное, ваше величество!.. Потому не променяю возможность находиться рядом с вами, учиться у вас, узнавать… на все эти талисманы!.. Хотя, конечно, все мощные и ценные амулеты Великие Маги унесли с собой, а это так, для них вообще мелочь,

почти мусор… Хотя вот этот хорош, предупреждает о наличии незримых магических ловушек!

Я сделал отметающее движение.

– Всего-то? И слишком громоздкий. К тому же я и так их вижу благодаря дару предков. А как вы?

Он довольно улыбнулся.

– А я научился видеть за полгода обучения.

– Тогда просто оставьте, – велел я. – Подарю кому-нибудь. А что это за странная брошка?

– Помогает увеличивать мужскую мощь, – сообщил он. – Ну, ту самую, о которой мужчины беспокоятся больше, чем о крепости мускулов.

– Мимо, – сказал я, – не жалуюсь.

– Но вроде бы можно увеличить…

– Не надо, – оборвал я. – Император я или просто самэць?.. Я должен императорствовать, а не. Когда все женщины доступны, то это уже что? Вот-вот, не весьма. Мне нужно, чтобы хоть малость, но ломались. Но, конечно, не слишком.

– Тихо, – предупредил он, – стены имеют уши.

– Простите, – сказал я, спохватившись, – похоже, я выболтал стратегическую тайну, очень важную для наших противников. Но то, что я ее выболтал, не значит, что сказал истину. Иногда говорим то, что хотим, чтобы о нас так думали, а на самом деле мы проще и примитивнее.

Он сказал суховато:

– Ваше величество, в вашем случае совсем наоборот.

– Как это?

– Дураком прикидываетесь, – сообщил он.

– А-а-а, – сказал я с удовольствием, – это да, люблю такое. Это дурак не может прикинуться умным, а я вот обожаю валять дурака… Надеюсь, сэр Карл, мы достаточно запутали стены с ушами?

Он усмехнулся.

– Да, вы сказали настолько много, что ошалеют, пытаясь понять, где правда, а где ложный след. Вот этот браслет позволяет лучше слышать запахи…

Я подумал, покачал головой:

– Для такой крохотной функции слишком велик, кольца бы хватило. Отложим. Одарю кого-нить за особые заслуги перед Отечеством.

Он уточнил:

– Наше Отечество уже здесь?

– Где мы, – сообщил я, – там и Отечество. Мы, как Диогены, космополиты, только не мы встраиваемся в местные народы, а их подтягиваем до своего несравненного величия.

– А если их уровень выше?

Я сказал оскорбленно:

– Что значит выше? Зато мы одухотвореннее!.. Значит, выше. И вообще, сэр Карл, не сейте смуту. Мы всегда выше, даже если не выше. Без уверенности в построении светлого дворца счастья не построить и собачью будку.

Он выбрал из кучки пару колец и щелчком послал одно за другом по столешнице ко мне.

– Первое позволяет кваканье лягушек преобразовывать в пенье соловьев, а второе позволяет видеть листву деревьев ярко-красной.

– Хрень, – сказал я. – И Великие Маги тратили на такую ерунду драгоценное время?

Он вздохнул.

– У Великих Магов в запасе вечность, могут и дурью помаяться. Но как вы понимаете, ценные амулеты взяли с собой! Все. Что не поместилось на пальцах и предплечьях, унесли в сумках. Вы бы тоже ничего не оставили!

– Ну да, – согласился я, – кроме мусора. Башни все равно в щебень, потом хрен что найдешь. Даже с демонами. А своя ноша не тянет. Карл, у меня уже мороз по коже, как только представлю, с такой мощью придется сшибиться. Одна надежда…

Он спросил жадно:

– Какая?

– Они же вроде индивидуалисты? Каждый за себя?.. Сидят в Башнях, как пауки, следят ревниво, чтобы никто не нарушил их владений?..

Он подумал, вздохнул, лицо омрачилось.

– Верно, но когда припрет, могут и объединиться. Чтобы после победы снова разойтись по своим королевствам. Так что битва вам предстоит тяжелая, затяжная и с непредсказуемым результатом.

– Только мне?

Он уточнил:

– Вы же все равно во главе и примите основной удар?.. А мы ваша армия, что развивает успех.

Глава 6

Не люблю работать в кабинете, многие творческие натуры предпочитали находиться на природе, в кафе, даже среди толпы, там мысль постоянно перескакивает с одного явления на другое, рождая новые связи, образы, возникают озарения, что немыслимы в тишине кабинета с плотно прикрытой дверью.

Я спускался по лестнице на общий этаж, взгляд выловил среди группки почтительно слушающих придворных лорд-канцлера, подумал невольно, что человек с внешностью Джулиана Варессера никак не мог бы родиться крестьянином. Слишком величественен по фигуре, крупной и тяжелой, такое же крупное удлиненное лицо, мощная нижняя челюсть, острый и проницательный взгляд.

Если бы и родился в крестьянской семье, то ушел бы в армию, а там быстро начал бы подниматься по служебной лестнице от командира десятка новобранцев все выше и выше…

Завидев меня, все торопливо отступили от лестницы и склонились в почтительных поклонах так, что я видел только блистающие серебром парики с рядами идеально ровных локонов по бокам.

Лорд-канцлер тоже застыл в поклоне, я остановился на последней ступеньке.

– Сэр Джулиан?

Бодро вздернутые кончики его седых усов чуть приподнялись, имитируя улыбку.

– Ваше величество, счастлив видеть вас в добром здравии.

– Где ваш магический посох, сэр Джулиан?

Он улыбнулся шире.

– То был не посох, а трость, поддерживающая мое грузное хилое тело. Но вы, ваше величество…

Я прервал:

– Составьте мне компанию в незапланированной прогулке, дорогой канцлер.

Он пошел рядом, я нарочито сбавил шаг, все-таки старик, остальные придворные медленно распрямлялись, я чувствовал их взгляды между лопатками, а канцлеру сказал тихо:

– Не распространяйтесь о моей возможности лекаря, я все-таки император! Мало ли чем одарен от щедрот… Может, еще и крючком вязать умею. Но не выказывать же такое, недостойное мужчины-воина?

– Понимаю, – ответил он серьезно, – и молчу. Но от этого моя благодарность не становится меньше. Ваше величество, при дворе высказывают озабоченность…

Он умолк, глядя на меня с нужным выражением.

– Надеюсь, – ответил я, – не политикой?

– Политика двор не интересует, – сообщил он. – Это удел избранных, их горстка, ваше величество. А вот ваш отказ от освященной веками прогулки по саду после завтрака…

Я всмотрелся в него с интересом.

– Что, неужели вас это волнует?

Он ответил с осторожной осмотрительностью государственного человека:

– Вы человек… другой культуры, величество. Я все понимаю, но этот мир очень сбалансирован, что, можно сказать, в его пользу. Не стоит выдергивать даже

кирпичика из фундамента… если можно не выдергивать. Император всегда после завтрака и обеда прогуливался по саду в сопровождении придворных, где согласно протоколу каждый занимает свое место. Такая прогулка, как и весь остальной распорядок двора служит подтверждением неизменности и стабильности…

– Сэр Джулиан, – сказал я дружески, – вы же знаете, что неизменность и стабильность нарушены. Мало того что прежнего императора нет, как и его династии, но власть захватили кровожадные варвары с Севера! Вы-то понимаете разницу, в отличие от тупологовых придворных, у которых только флирт на уме!

Он вздохнул.

– Да я понимаю, ваше величество. Даже то, о чем вы не упомянули, но это самое большое потрясение…

– Сэр Джулиан?

– Великие Маги, – проговорил он почти шепотом. Мне показалось, что он содрогнулся, а договорил совсем осевшим голосом: – Когда выйдут… что будет?

– Меня тоже пугает, – признался я. – Однако, сэр Джулиан, что остается? Не отступать же? Многие проигрывают потому, что не решаются вступить в битву!.. И когда знаешь, что впереди, какое значение имеет, какую шляпу надел на прогулку?

– Только для крестьян это не имеет значение, – напомнил он мягко, – а человек благородного происхождения обязан думать, что наденет и как пойдет.

А в отношении коронованных особ несоблюдение протокола чревато особыми последствиями…

– Почему?

– Сотни послов и дипломатов сразу же начинают выяснять, что стоит за тем, что его величество поменял на шляпе голубое перо на синее? Чем это может угрожать соседним государствам? А уж если поменяет саму шляпу, то это будет

вообще потрясение основ!..

Я сказал весело:

– А если отменить эти протокольные прогулки вообще?

Его лицо дернулось, а посмотрел с тихим ужасом, словно я велел всем во дворце на завтрак съедать по большой толстой жабе.

– Как это возможно? Вы не думаете о последствиях!

– Знаете, сэр Джулиан, – сказал я, – между нами говоря, некоторые детали придворного церемониала можно смело отправить в жопу.

Он отшатнулся, шокированный.

– Ваше величество?

– В самую темную, – подтвердил я. – А что не так? Я же северный варвар, грубый и нецивилизованный! Мне можно. Правда, не сразу.

Он, все еще предельно шокированный, сказал тем не менее с предельным достоинством:

– Ваше величество! Весь высший свет ожидает и надеется, что вы увидите все преимущества более цивилизованного образа жизни и возжелаете принять их всем сердцем, душой и мыслями!

– Пусть, – одобрил я. – Пусть ожидает и надеется. Но принимать буду медленно и печально… Нет, печали не будет, но неспешность в реформах – залог успеха!.. Чтобы не наломать дров.

Он насторожился:

– Дров? Каких дров?

– А, – сказал я, – у вас уже и забыли, что дровами топят?.. В общем, я не отказываюсь от придворного этикета и церемониала. Но принимаю в упрощенном виде! Вы же сами понимаете, как опасно давить на свирепого северного варвара, злобного и подозрительного? Да еще с тем, чтобы изменил своим диким и кровожадным привычкам, что всосал с молоком матери?.. А если моей матерью была волчица, а я какой-то Маугли?..

Он помотал головой, отступил на шаг и выставил перед собой ладони.

– Ваше величество!.. Вы не учли, что я, как и многие во дворе, уже знаю, вы – маркиз из королевства Танкмария, и что именно благодаря вашему дипломатическому умению, правда, подкрепленному грубой силой, королю Гессена удалось удержать власть. А будь вы диким варваром, разве смогли бы, несмотря на всю варварскую мощь, стать Властелином Багровой Звезды?

Я посмотрел на него с интересом.

– Вижу, разведка у вас работает!

Он ответил скромно:

– Да вы этого и не скрывали, ваше величество. А мы, естественно, собирали и собираем о вас все, чего удается достичь для того, чтобы лучше служить вам. И, конечно, каждое слово и каждый ваш жест, наклон головы или особенности походки становятся темой долгих обсуждений и предположений, что бы это значило и чего стоить ждать. Это естественно! Ваши нахмуренные брови могут вызвать потрясение в империи, потому нужно знать заранее, что предпринять…

– Дорогой сэр Джулиан, – сказал я величественно, – я ничего не сделаю, не посоветовавшись с вами и Советом. И, уверяю вас, поступлю, как рекомендует возглавляемый вами Совет. Вы же лучше знаете ситуацию в империи!.. А насчет резких перемен я пошутил. Хотя они будут, но вводить начнем постепенно, чтобы не выдергивать кирпичики, как вы образно заметили.

Он поклонился, по моему тону ощутив окончание неформальной аудиенции, отступил и даже помахал над выставленным вперед носком башмака собранными в щепотку пальцами, делая вид, что держит в ней шляпу.

Получилось достаточно величественно, даже значительнее, чем у молодых щеголей с пышными шляпами в руках и веером развевающихся перьев. У них получается несколько суетливо, а в сэре Джулиане чувствуется старая добрая школа.

Женщины откровенно спешат навстречу, приседают, все такие счастливые, радостные, готовые и меня обрадовать всячески, как только восхочу, это в их глазах и на их полыхающих румянцем щечках.

– Леди Эльзивелла, – сказал я, – леди Мирриганна… а вы… ах да, баронесса Истольская…

Они еще больше краснели, польщенные, что сам император запомнил их имена, смотрели снизу вверх с тем ожиданием на лицах и в позах, что вот сейчас же побегут в постель, стоит только сделать знак, а я со щемом понимал, что вот получил то, о чем большинство мужчин только мечтает: все женщины – мои, но, когда смотрю на этот бескрайний океан склоненных головок с затейливыми прическами и одинаковые низкие вырезы платьев с сочными вторичными признаками, с тоской понимаю…

Хотя даже не понимаю, а даже чувствую, что лучше даже не начинать. Мне все-таки нужно хотя бы малость чувствовать сопротивление, а так почему-то неинтересно.

Странно, это же вроде вершина, никто из женщин не перечит, как раз все напротив, каждая стремится попасть в постель к императору, но что во мне за северное варварство?

Добрался до сада, но пришла мысль, что нужно начать со скайбагеров, потом как-то искать подступы к тем таинственным машинам, что роются очень глубоко под землей, возможно, даже в мантии.

Думаю, там не просто машины, а целые автоматические заводы, что собирают рассеянные элементы редкоземельных материалов и тупо подают их на поверхность, хотя заказавшие эту работу хозяева давно сгинули…

На обратном пути женщин впятеро больше, я двигался, как через живой цветник, все в розовых платьях, нежно-голубых, солнечно-оранжевых, нигде ни единого темного цвета, все такие радостные и ласкающие взор, вырезы на платьях настолько широкие и глубокие, что вот-вот оттуда выпрыгнут эти ограниченные краем платья нежные полушария, что так и просятся в мои ладони.

Я не увидел ни Мишеллу, ни Жанну-Антуанетту, тем более здесь не будет герцогини Самантеллы, но, чтобы не проходить мимо совсем уж надутым индюком, улыбнулся леди Эльзивелле, известной мне как ближайшая подруга Мишеллы.

– Говорят, красота поддерживает дистанцию?

Она изумленно вскинула длинные ресницы подведенных черной краской век, поспешно заулыбалась еще шире.

– Да, ваше величество, но император вправе сокращать любые дистанции!

Послушала бы ты лорда-канцлера, мелькнула мысль. Тот уверен, что император обязан строже всех придерживаться обычаев, правил и законов, иначе вся империя выйдет из рамок, а потом вовсе рухнет незнаемо куда.

Более того, полагает, что вообще у королей меньше прав быть даже личностями, чем у остальных людей. Я по его взглядам тоже должен быть чем-то вроде бренда, как и Жанна-Антуанетта…

– Люди охотно верят тому, – обронил я, – чему желают верить.

Она с подругами поклонились мне в спину, я успел увидеть, как весь цветник, яркий, щебечущий и пахнущий, сгрудился вокруг осчастливленной Эльзивеллы, жадно выспрашивая, как и что у нее с императором, почему вдруг заметил, почему заговорил, как именно посмотрел и не значит ли это…

Я постепенно ускорял шаг, если новые мысли лучше всего приходят в толпе или вообще на людях, то обрабатывать их лучше в тиши кабинета. Филигранная работа ювелира требует сосредоточения, а я еще тот ювелир, так наювелирю,

что мир рухнет, если не ту грань отграню…

В моих апартаментах есть лестница, на которую никогда не обращал внимания, назначение ее донельзя пустячное: вдоль стены ведет на длинный балкон вдоль всего зала, а с балкона хозяин может взирать с высоты на придворных, приглашенных по какому-то случаю.

Ни разу не поднимался, незачем, но сегодня что-то кольнуло в задницу: это же мое, надо хотя бы раз посмотреть, как это смотрится сверху, вдруг возжелаю выступить с высоты, как римский трибун.

Пошел по ступенькам, старинным и вытертым посредине, вздрогнул и напрягся, рядом со мной с десятой или одиннадцатой ступеньки появился и так же двинулся наверх призрачный, но все более различимый человек в старинной одежде.

Я невольно замедлил шаг, он повернул голову, рассматривая меня, тоже пошел медленнее, затем остановился. Я с трепетом сердца узнал свое лицо. И вообще моя копия, как рост и сложение, так и все остальное, только одежда старинная, такую носят разве что в империи Германа.

– Выше, – сказал он моим голосом, – есть недобрая комната. Хотя дверь и замурована…

– Дует? – спросил я туповато и ощутил, что голос мой подрагивает, вот-вот дам петуха.

Он покачал головой.

– Можно увидеть некое окно.

– Окно, – повторил я, – во двор?

– Нет, – ответил он, – в нем не то, что во дворе. А что там, непонятно… Нет, понятное, но у нас там двор, а в окне лес, озера и трехгранные башни… Слишком близко подходить к стене в том месте не стоит.

Я спросил тихо:

– Оттуда могут ухватить?.. Загребущими?

– Нет, но туда тянет… самого.

– Возвращаются?

– Нет…

– Спасибо, – поблагодарил я, – буду обходить стороной. А вы кто?

Он улыбнулся, взгляд его скользнул на мою левую руку с кольцами, губы шевельнулись, но фигура моментально превратилась в быстро исчезающую тень и пропала из виду.

Я остановился, тупо повертел ладонь перед глазами, рассматривая кольца, но ни одно не светится, не нагрелось, вообще не выказывают, какое именно себя проявило.

Ладно, спрошу Карла-Антона, если будет время, что это у меня за фитнес-трекеры, заботящиеся о моем здоровье.

Подумав, что на хрена мне те балконы и без них радости выше крыши, развернулся на ступеньках и пошел обратно. Нужно думать над проблемой маркизы с ее маркизом. Похитители почему-то уверены, уверены твердо, что вне досягаемости моих загребущих, а такое убеждение на чем-то да основывается.

Если это в самом деле так, придется оставить красивый и рыцарский вариант прямого вторжения, когда, вооружившись до зубов, герой проникает в логово врага и крушит там все, в конце обязательная схватка с Главным Злодеем, которого и побеждает из последних сил и на последнем дыхании.

Едва сел за стол, в кабинет робко зашел сэр Джулиан, все еще не может привыкнуть, что я разрешил ему входить без доклада.

– Ваше величество…

– Да, сэр Джулиан?

Он произнес с поклоном:

– Прибыли послы из королевства Сановер и просят вас защитить их от вторжения со стороны королевства Жмудеррия.

– Военного, – уточнил я, – вторжения? Хотя что это я туплю, других не бывает…

Он сказал вежливо:

– Ваше величество, здесь как раз бывают и другие. Король Драгобард, который не ушел в пещеры, а остался со своим народом, воспользовался открывшимися возможностями.

– Ну-ну?

– Пока остальные монархи в пещерах пережидают катаклизм, – пояснил он, – он поспешно делает то, что раньше ему бы не позволили. И делает хитро, почти не прибегая к армии!.. Захватил все рынки Сановера, как давно планировал, вытеснил из торговых отношений, а теперь захватывает отдельные земли, объявляя их своими.

Я покачал головой:

– Быстро он. Чувствуется кровь основателя новой династии. А хоть какие-то причины для захвата есть?

Он переступил с ноги на ногу, развел руками:

– Ну, как сказать…

Я прервал:

– Так и скажите!

– Король Альказельд, – сказал он торопливо, – который сейчас в пещерах, задолжал ему немалые суммы. Настолько немалые, что выплатить не в состоянии. Король Драгобард заявил, что не может давать больше отсрочек платежа, потому берет в счет уплаты долга земли Квиляндии и Суспендии. Это такие области, очень богатые.

Я поморщился.

– Это спор экономических субъектов. Здесь в силе область контрактов, а верховная власть не должна вмешиваться, иначе какая экономическая свобода и подъем сельского хозяйства? Пусть все по закону. Как я понимаю, та сторона, у кого доводы шаткие, та и просит вмешаться?

Он развел руками, лицо непроницаемое, своих идей нет, готов выполнять волю императора, но что-то замечаю во взгляде не очень и скрытое, явно для того, чтобы заметил и оценил, что его симпатии на стороне захватчика.

– Да, ваше величество, ваше слово закон, но обычаи не позволяют, местные лорды подали апелляцию…

Я посмотрел ему в глаза.

– Сэр Джулиан, властью нужно пользоваться как можно реже. Тем более в решении экономических вопросов. Потому никакого самоуправства с моей стороны! Я сторонник законности, если она меня не касается. Когда мои интересы не задеты, все должно быть по справедливости!.. И, кстати, сэр Джулиан…

– Ваше величество?

– Вы же лорд-канцлер! Решайте эти мелкие вопросы сами. А мне только бумагу на подпись. Если понадобится. И еще, как бы сказать помягче… больше свободы народу! Я имею в виду таким вот инициативным королям. Опорой империи должны быть сильные люди, а не мямли. Надеюсь, вы меня поняли.

– Прекрасно понял, ваше величество.

Глава 7

Дверь кабинета распахнул Периальд, но, оттолкнув его, на пороге появился Милфорд, помощник сэра Норберта.

– Ваше величество! – крикнул он звенящим голосом. – Пымали!

– Кого? – спросил я автоматически, спохватился: – Гонца?

– Да, ваше величество!..

– Обезврежен?

– И руки за спиной так, что уже скулит.

– Ко мне, – велел я. – Бегом!.. Сэр Джулиан…

Лорд-канцлер откланялся и поспешно удалился, а через минуту из коридора двое ввели, держа за плечи, низкорослого и неприметного человечка в одежде дворцовой прислуги. Рукава камзола оторваны, на щеке ссадина, один глаз подбит и уже начинает заплывать кровоподтеком.

Следом двигается Чекард, хищный и готовый прыгнуть на пленника в любой момент, как большой кот на мелкую мышь.

Я поднялся из-за стола, даже обошел его и встал с другой стороны, с интересом рассматривая схваченного.

– Точно он?

– Ваше величество, – отрапортовал Чекард, – взяли в момент, когда подбросил письмо!.. В самый-самый! Не отвертится.

– Письмо с вами?

Он сделал шаг к столу, вытащил из-за пазухи листок бумаги и протянул мне.

– Сама маркиза и увидеть не успела!.. Все быстро. Какой-то он совсем… не опасный.

– Зато местный, – определил я. – Я его раз видел, у меня память все схватывает. Только на мой этаж доступа местным слугам нет.

Пленник ответил хриплым голосом:

– Но я уже здесь.

– Но не по своей воле, – напомнил я.

– Уверены? – поинтересовался он. – Думаете, я не мог покончить с собой раньше? Я же догадываюсь, зачем рукава обрывали. Дикари.

Я некоторое время рассматривал его молча, уже чувствуя, что перед моим столом держат не бывшего крестьянина, попавшего из-за старательности в дворцовую прислугу.

Сдержанная интеллигентность чувствуется как в поведении, так и в хорошо построенной речи, где проскальзывают нотки превосходства, которое демонстрировать не старается, но заметно и то, что оно есть и что демонстрировать не старается.

– Имя? – потребовал я.

Он ответил после секундной паузы:

– Кертис, ваше величество.

Я кивнул на него Чекарду:

– Развяжите руки этому Кертису, а то затекут.

– Хорошо, ваше величество, – ответил Чекард, – хотя все равно отрубим, стоит ли возиться?.. А голову потом…

Я взглянул сердито, чего вдруг перечит, потом сообразил, что разведчик старается подыгрывать, насколько понимает ситуацию.

– Развязывай, – распорядился я. – Рубить руки не будем. Просто повесим или посадим на кол. Так красивше.

Чекард, зло ухмыляясь, разрезал веревку на руках пленника. Его подчиненные на всякий случай крепче вцепились в тощие плечи такой ценной добычи, что заинтересовала самого императора.

Я продолжал рассматривать схваченного. Он со вздохом облегчения опустил руки, но массировать не стал, хотя следы от врезавшейся веревки остались глубокие, молодец, терпит.

– Ну и что, Кертис? – спросил я. – Попался, ворона?..

– Да, – ответил он тонким бесцветным голосом. – Ваши люди сработали недурно.

– Ты не слуга, верно? – спросил я. – Давно внедрился?

– Давно, – ответил он. – Три года, если для вас это важно.

– Не очень, – ответил я. – Итак, ради чего решились нанести мне такое неслыханно мелкое оскорбление, которое смыть можно только большой кровью и бесчеловечными разрушениями?..

Он вскинул голову, всматриваясь в мое грозное, надеюсь, лицо, помедлил, прежде чем ответить:

– Я всего лишь посланник. Но, конечно, могу предположить…

Я вскинул ладонь, он послушно умолк.

– Прежде всего, – сказал я внушительно, – чтобы продолжать разговор, я должен убедиться, что с маркизом все в порядке.

Он ответил смиренно, но с твердостью в голосе:

– С ним все в порядке!

– Да ну, – ответил я нагло, – вот так должен и поверить?

Он слегка поклонился.

– А что остается?

В его тихом интеллигентном голосе почудилась скрытая ирония, я ответил с надлежащей моменту напыщенностью:

– Поверить людям, у которых недостаточно благородства сойтись лицом к лицу? Которые исподтишка и подло похищают людей без их письменного согласия?

– Сэр, – напомнил он, – разве это не оскорбление?

– Верно, – согласился я. – А что?.. Да, оскорбление!

Он умолк, я затаил дыхание, если наш разговор слышат, а это вполне возможно, Карл-Антон предупреждал, то сейчас там идет спор, как вести дела с таким варваром, если из-за своей гордыни и гонора почти готов оборвать этот торг и послать их к такой матери.

Наконец он произнес почти тем же прежним тоном:

– Ваше величество, мои хозяева просто казнят маркиза, если продолжите переговоры в том же тоне…

Я уловил в угрозе нотку поражения, взыграл и сказал с привычной наглостью государя:

– Да хоть щас!.. Мне-то что?.. Его жена больше поплачет – меньше пописает.

– Слезы маркизы, – ответил он, – и даже возможный отказ продолжать быть вашей любовницей… что вообще-то маловероятно, мы понимаем, вовсе не сокрушительный удар по вашему положению. Однако укол болезненный, а зачем это вам, если желаем совсем немногого?

Примирительный тон стал заметнее, я в ответ как бы сделал шаг навстречу, но завуалировал его под обычное любопытство:

– Ну и чего вы бы хотели за его освобождение?.. В случае, если бы я вот с какой-то дури решил ради счастья маркизы… а вы знаете сколько в моей отныне империи маркиз, герцогинь и даже принцесс?.. Да, так вот, если бы спьяну и решил милостиво или даже всемилостивейше пойти вам навстречу?

Он ответил с явным облегчением:

– Мои хозяева, как вы их называете, хотят вообще-то лишь крошки с вашего стола.

– Ну-ну? – сказал я с интересом. – Начало хорошее. Мне ндравится.
Я хозяйственный и даже прижимистый, но в меру, в меру, не перебарщиваю. Так что за крошки?

Он уточнил:

– Даже не крошки, а одну-единственную!.. Которую вы даже не замечаете.

– Подробнее, – велел я.

Он собрался и заговорил ясным голосом вполне развитого человека, явно не слуга, судя по его внятной речи:

– Как вы, возможно, знаете, хотя для императора это и необязательно, кроме ваших двадцати восьми королевств в империи сотня с лишним княжеств, герцогств и даже баронств. Мы хотим, как уже вам сообщили, чтобы крохотному герцогству Клауренскому, которое вы даже на карте не отыщете, предоставили

автономию. Вообще идеальным вариантом была бы полная самостоятельность, но герцогство, к сожалению, зажато между королевствами Арелат и Овернией, у него нет выхода ни к морю, ни даже к соседним империям.

Я посмотрел с интересом.

– Там чем же оно вам так интересно?.. Запасами нефти?.. Или ценных ископаемых?

Он едва заметно переменился в лице, а у меня екнуло, не думал, что вот так сразу попаду в цель, но он тут же сказал совершенно спокойно:

– Насколько знаю, ближайшие золотоносные пески расположены в королевстве Базош, а это далековато от границ герцогства. Что такое нефть? Не слышал о таком минерале…

– Но дело в недрах? – уточнил я, наши взгляды встретились. – Что в них ценного?

Он ответил с заминкой:

– Ваше величество, я всего лишь посланец.

– А если спросить строже?

Он прямо взглянул мне в глаза.

– Как только мне станет больно… очень больно, я умру сразу. Очень простое заклятие, ваше величество. И не надо было напрасно отрывать воротник и рукава.

Я сделал отметающий жест.

– Северная специфика. Ничего, скоро все тонкости и южной усвоим. Но верю, верю. Я бы сам не стал доверять простому посланцу что-то важное. Или не простому?

Он посмотрел с некоторым удивлением.

– Ваше величество?

– Ваша речь, Кертис, – пояснил я, – говорит о достаточном развитии. Не простонародном.

– Ваша тоже, – ответил он вежливо.

– Я как раз из простого народа, – сообщил я. – Только у нас весь народ не простой.

Он взглянул на меня с интересом.

– У нас тоже.

Стражники по-прежнему держат его за плечи крепко, не сводя с него злых взглядов, только Чекард поглядывает то на меня, то на пленника, в глазах мелькнуло удивление, как это император может быть из простого народа.

– Ладно, – сказал я, – ты хорошо говоришь и держишься, Кертис, но разговор на этом прекратится, если не получу ясных и четких доказательств, что маркиз жив и здоров.

– Он жив и здоров…

Я прервал отметающим жестом:

– Я варвар, на слово верю только варварам. Да и то северным. А вы должны предоставить доказательства ясные и четкие. Я должен увидеть маркиза и поговорить с ним… Хотя на хрена это мне? Пусть маркиза увидит и поговорит! Иначе весь этот разговор в пользу бедных.

Он покачал головой:

– Но это пока невозможно.

Я молча обошел стол, расположился в кресле и, откинувшись на спинку, посмотрел через всю ширь стола так, словно между нами океан.

Кертис напрягся, Чекард и его воины застыли в ожидании приказов.

– Тогда, – произнес я грозно и обрекающе, – к чему этот бессмысленный разговор? Я не допущу обмана!.. Здесь все подлые и постоянно врут!.. Чекард! Выведи его во двор, пусть там срубят голову.

Чекард сказал с готовностью:

– Могу и здесь!..

– Ковры перепачкаешь, – ответил я брезгливо. – Тащи! Переговоры окончены.

Чекард не успел даже кивнуть стражам, те с готовностью подхватили ошеломленного пленника и бодро потащили к двери.

Тот опомнился уже на пороге, закричал, выворачиваясь в их руках в мою сторону:

– Погодите, погодите!.. Разговор возможен…

Я перевел дыхание, сработало, кивнул Чекарду. Тот с показной неохотой и громко бурча, велел своим остановиться, вздохнул тяжко и жестом приказал втащить обратно.

Кертис смотрит затравленно, не так уж и стоек, в глазах страх и в то же время надежда, пошел торг, а умные люди в торге с дикими варварами должны выигрывать.

Я сказал резко:

– Вы там не из благородного сословия! Благородные люди встречают противника с открытым забралом!.. Или даже не знаете, что такое забрало? Прячетесь где-то с кинжалом в рукаве… А раз неблагородные, то и я буду с вами без присущего мне благородства и великой скромности.

Он произнес униженно, как и подобает умному человеку разговаривать со спесивым и недалеким варваром:

– Со всем почтением слушаем вас, ваше величество. С великим почтением.

– Если выполню ваши условия, – сказал я и, заметив вспыхнувший блеск радости в его глазах, уточнил: – Если восхочу выполнить, то где гарантия, что отпустите маркиза, а не возжелаете еще каких-то уступок?

Он сказал таким же робким голосом:

– Мы не благородного сословия, вы правы, но мы немедленно отпустим маркиза.

– А почему, – потребовал я, – я должен этому верить?

– Потому что на соблюдении договоров держится мир.

– Как раз договора и не вижу, – отпарировал я. – Только шантаж, только шантаж!.. И что потом? Снова выкрадете несчастного мужа, чтобы потребовать… что у вас дальше в списке?

Кертис ответил вежливо:

– Нам достаточно независимости герцогства в вопросах экономики и развития. А платить налоги вам будут в прежнем объеме.

– А герцогство вообще платило? – напомнил я.

Он смутился только на миг, но ответил, как мне показалось, искренне:

– Сколько собиралось за год, столько будет отправляться вам в столицу.

– А себе? – поинтересовался я. – На дороги, дураков, фестивали, любовниц и коррупцию?

Он ответил скромно:

– На это идут крохи. Все нужды герцогства обеспечены.

Я подумал, что теперь населению придется работать самому, это может вызвать массовый бунт бездельников, но такую информацию стоит придержать.

– Ладно, – сказал я, – перейдем к следующему вопросу. В чем эта самостоятельность и независимость будет проявляться?

Он развел руками:

– Это такие мелочи, что императору даже неприлично ими интересоваться.

– Я же варвар, – напомнил я. – Весь из себя неприличный по здешним меркам. И не собираюсь становиться приличным. Опять же по здешним вбоквельным от основного русла цивилизации меркам. Потому выкладывайте.

Он слегка повел плечами.

– Если вам угодно… Наблюдая за герцогством, мы заметили, ему не помешали бы еще две-три дороги, что свяжут города Ильбрук и Опойя.

– А багеры? – поинтересовался я.

– Багеры туда не ходят, – напомнил он. – Багеры над герцогством если и останавливаются, то над пустыми местами. Так что дороги здесь не помешают.

Я в чем-то дал слабину и как-то выдал, что моя ярость не совсем настоящая, он уже собрался и отвечает со спокойным и благожелательным видом, как опытный юрист, защищающий клиента от жалоб новичка.

Все же я старался держать лицо злым и раздраженным, как бы и не догадываюсь, что одна из дорог пойдет к руднику с чем-то особо ценным, а две других просто для отвода глаз, их могут сделать даже более красивыми и нарядными, чем та, важная.

– Так что же?

Он ответил нехотя:

– У нас есть все для счастья. Потому желание облегчить жизнь и другим. Но сил не настолько, чтобы хватило на империю, однако в масштабах небольшого герцогства попробовать можно.

Не потерплю реформаторов, мелькнула злая мысль. Я сам реформатор, обойдусь без соперников.

– Хорошо, – сказал я с величавой небрежностью сатрапа, – пробуйте. Даю соизволение. Где маркиз? Не вижу!

Глава 8

Он помедлил, у меня все больше крепло ощущение, что через него наш разговор слышат его непосредственные хозяева, а то и подсказывают ответы, наконец ответил с осторожностью в голосе:

– Увидеть его можно… Но только увидеть, ваше величество. Сожалею. Он в таком месте, что недоступен даже для вас со всей вашей мощью победителя Великого Мага Гатонеса. И, уж простите, великого властелина Багровой Звезды.

Я сказал бодро:

– Давайте показывайте.

Он сказал виноватым голосом:

– Ваше величество, увидеться с ним можно, но не все так просто… В герцогстве есть такая странная расколотая гора… Как будто острым мечом разрубили от вершины и до подножия. Одна половинка осталась целой. Ее и называют Расколотой. Одна такая на герцогство. Думаю, и на всю империю.

– Ну-ну?

Он сказал с еще большей неохотой, расставаясь с одним из секретов, возможно, самым большим:

– Ночью или вечером можно увидеть на плоской стороне… в общем, можно увидеть маркиза и даже пообщаться с ним. Но стоит ли так утруждаться?..

Мне показалось, что-то недоговаривает, но смотрит честными глазами, как если бы сказал все-все, любой пункт можно проверить и перепроверить, все соблюдено, а если хочу чего-то еще, то об этом в договоре не сказано.

– Ночью или вечером, – повторил я. – Днем, при солнечном свете, значит, не видно. А если плотные тучи и дождь?

На его лице мелькнуло удивление, но совладел с собой и ответил бесстрастно:

– Быстро схватываете, ваше величество. Не случайно вы во главе могучей империи, где кроме мощи рук нужна и сообразительность. Да, когда тучи, тоже видно, вы правы. Но слабо, лучше всего ночью.

– Понятно, – ответил я и, видя в его глазах вопрос, добавил: – Слабое колдовство, мощи недостает. Но для нас это неважно, верно?.. Я привезу маркизу к той горе! И если не состоится счастливое свидание неутешных супругов, я и герцогство разорю в праведном гневе и благородной ярости!..

Он поклонился, я еще подумал, двигая складками на лбу, так вроде бы и мысли идут шибче, кивнул Чекарду:

– Пленника в отдельную камеру! Возможно, еще поговорим перед казнью.

– Есть, – ответил он четко.

Стражники развернули схваченного и потащили к выходу. Через распахнутую дверь в коридоре мелькнули фигуры Альбрехта, Норберта и еще кого-то из вельмож с Севера.

Альбрехт вошел быстро первым, спросил с середины кабинета:

– Что узнали?

Остальные вошли молча, но остались у двери, в глазах тот же вопрос, только Альбрехт подошел к столу и вперил в меня требовательный взгляд.

– Кое-что есть, – подтвердил я. – Очень им не хотелось, чтобы я хоть одним глазом заглянул в то герцогство! Но заставил чуточку приоткрыться. Сэр Норберт, подойдите, пожалуйста. Нужны ваши самые подробные карты.

Норберт подошел, кивнул в сторону Альбрехта:

– Самые подробные у герцога. Или он все-таки принц?

Альбрехт сказал зло:

– Да пошли вы все… Самые подробные у лорд-канцлера, но, думаю, нашему доблестному вождю не нужны засоряющие его плотную голову подробности. Что нужно конкретно?

– Герцогство Клауренское, – сказал я. – Правда, багеры в нем не останавливаются.

– Разберемся, – пообещал Альбрехт. – Десант готовить?

– Вы прям мысли мои читаете, – сказал я с удовольствием. – Опасный вы человек, герцог! Убивать пора. С дураками приятнее, хоть и неинтересно. Десант готовьте, но занятых не отрывайте, здесь и так работающих с воробьиный нос. Обойдемся теми, кто слоняется из угла в угол, изображая государственную деятельность.

– Я отберу лучших, – сказал Норберт. – Лучших из незанятых, а то бесполезных у нас нет. Не люблю эти странные места, где пахнет колдовством.

– Я тоже, – ответил я. – Обещаю, мы разделаемся с ними еще до прихода сюда церкви. А отец Дитрих просто подчистит.

Оба откланялись и ушли, а я опустился обратно за стол и, уперев лоб в кулаки, старательно перебирал десятки вариантов, постепенно сокращая до тех пор, пока не остались только две возможности укрыться от моих загребущих.

Первый – неведомый враг скрывается на одном из скайбагеров, второй – где-то в Зачарованных Местах.

Все остальные отпадают, Багровая Звезда доставит меня куда угодно в империи, а заговорщики уверяют в своей недосягаемости. Правда, скайбагер тоже в досягаемости, хотя об этом могут и не знать, а вот Зачарованные Места и в предыдущие визиты Маркуса оставались в неприкосновенности.

В момент то ли Великой Войны Магов, то ли глобальной катастрофы удалось закапсулировать часть пространства, сберегая его от разрушения, но, когда отгремели Войны Великих Магов, на земле уже не было тех, кто мог бы снять барьеры, а изнутри то ли не умели, то ли не было сил.

Это можно рассматривать типа того, как при появлении Маркуса все прятались в пещеры. Возможно, в эти места, закрытые мощными силовыми полями, отправили женщин и детей? Это поясняет, почему не могли пробиться обратно, когда здесь погибли все их мужья.

И даже Маркус не мог достать участки пространства, названные в народе Зачарованными Местами. Их вряд ли можно назвать параллельными мирами, не тот масштаб, однако эти земли определенно были вырваны из общего течения времени.

А при появления Маркуса скайбагеры уцелели потому, что он был нацелен на планету, мертвые металлические пылинки, плавающие высоко над атмосферой, его не интересовали, или просто не замечал такую мелочь.

Так что на скайбагерах могла сохраниться как древняя технология, так и потомки тех инженеров. Пусть в виде одичавших, но все же, все же…

Кстати со скайбагеров поверхность планеты мониторить проще. При достаточной мощи аппаратуры можно наблюдать за любым человеком и даже рассматривать узоры на гребешках в женских прическах.

И, пожалуй, пора бы посмотреть, что там за.

Карл-Антон прошел через двор в сопровождении трех таких же фигур в длинных халатах и в одинаковых шляпах с широкими полями и высокими тульями, но, когда все трое исчезли, я не заметил, хотя следил за чародеем внимательно.

Здесь на Юге даже его ближайшего помощника Зейса не видел, хотя знаю, что чародей захватил с собой несколько человек из младших магов, поклявшихся ему в верности.

Едва фигура чародея исчезла со ступеней здания, в кабинет заглянул Хрурт.

– Ваше величество, – провозгласил он, – вас тут ждет наш колдун. Гнать или впустить?

– Давно ждет? – спросил я с интересом. – Впусти.

Карл-Антон переступил через порог, коротко поклонился, знает, что ненавижу глубокие поклоны покорности, а признаю только легкий поклон вежливости.

– Не запыхались? – спросил я. – А то на четвертый этаж так быстро… Садитесь, Карл. Что пьете?.. Вижу, скачете, как кузнечик. Не только к двери моего кабинета, для вас любые расстояния не расстояния, верно?

Он осторожно опустился в кресло.

– Ваше величество?

Я пояснил:

– До скайбагера ближе, чем до империи Генриха, которую недавно покинули. Как для вас насчет скакануть не вдоль, а вверх?

Он заметно напрягся, даже щеки побледнели.

– Сэр Ричард, кузнечики не скачут на любые… И вообще вы меня пугаете.

– Чем?

Он вздохнул, подвигался в кресле.

– С такой легкостью о таких вещах… Даже простые багеры у меня язык не поворачивается называть простыми! Это для простолюдинов, привыкших видеть их с рождения, привычны, хоть и непонятны, но мудрецы и здесь, уверен, от них в священном ужасе!

Я кивнул:

– Ну да, вы правы.

Он бросил на меня пытливый взгляд.

– Вы, конечно, не в ужасе, тут-то и странность. Вы не простолюдин, и если вас багеры не ужасают своей непонятностью, то получается…

Он умолк, выжидая, я сказал нетерпеливо:

– Да-да, они понятны, как все механизмы. Вас же крестьянская телега не пугает? Багеры те же телеги, только посложнее. Одни ползают по земле, другие по воздуху, а третьи вообще за пределами атмосферы.

– За пределами, – спросил он быстро, – за пределами… чего?

Я отмахнулся:

– Выше слоя воздуха, которым дышим. Он толстый, хоть вообще-то тонкий. Ладно, я подумаю, как туда попасть. Как полагаю, это не сложнее придворного флирта. Вдруг таинственный шантажист на скайбагере?

– Он не один, – напомнил он.

– Добраться до одного, – ответил я, – добраться до всех.

Он промолчал, взгляд оставался пытливым, я уже видел, как в его мозгу формируется вопрос, откуда знаю про какую-то атмосферу и ее пределы, если туда даже птицы не поднимаются, но не спросил, только напомнил со вздохом:

– Могу перемещаться, хоть и с большими затратами магии, в места, что хорошо помню. А на скайбагерах не бывал!.. И что это, даже не представляю!.. А вы?

Вопрос был с подколкой, но я ответил мирно:

– Представляю. Так, в общих чертах. Как бы вот.

Он спросил быстро:

– Насколько в общих?

– Если попаду вовнутрь, – ответил я со свойственной мне скромной наглостью, – скорее всего, разберусь. В смысле, чтоб не вдарило. И вообще в общих чертах. Хоть и не сразу. Не на уровне пилота, конечно, это такой кучер или ямщик, а на уровне туриста Ваньки-Пряника в картинной галерее… Правда, это мало что даст для наших приземленных целей, скажу как бы вскользь, но в лоб.

Он смотрел почти с испугом.

– Разберетесь?

– А что сложного? Технологии – не магия. В технологиях все по правилам. Кирпичик к кирпичику, ступенька за ступенькой… Скучно, медленно, зато неостановимо и без всяких там начинаний с нуля, как в магии. Без откатов. В смысле, без отступлений, а только как стая крокодилов вперед и вперед к грядущей эре. Все увидите, сэр Антон! Вы же алхимик, переходная ступень от магии к науке!.. А кольцами на скайбагер никак?

Он покачал головой:

– Увы. Но наука меня теперь интересует все больше.

– Ладно, – сказал я, – соберите все, что знаете о Зачарованных Местах, они же Пятна, Топи, Пустоши, плеши и прочие заколдованные штуки. Среди них могут быть области, никакого отношения к магии не имеющие, эти меня интересуют даже больше, чем уже привычная затрапезная магия.

Он поклонился:

– Все сделаю.

После его ухода, я вскочил, не в силах сидеть за столом, я же император, а не всего лишь президент или канцлер, должен на троне, хотя и на троне скучно и тягостно, а за столом так и вообще, если это, конечно, не праздничный стол с хорошим вином и роскошными яствами.

Хрурт от двери наблюдает за мной из-под прикрытых век, помалкивает. Даже верные соратники, следующие за мной от моего самого первого замка Амальфи, не смеют отвлекать от высоких мыслей.

– Марш в коридор, – велел я. – Мне нужно уединиться.

Он послушно вышел, а я сразу же потер колечко на пальце.

– Серфик, – позвал я. – Давай ко мне. Господин и повелитель изволит.

Мелькнула мысль, что всем нам кажется, весь мир такой, каким видим, хотя собаки видят его иначе, птицы тоже по-другому, а насекомые с их фасеточными глазами вообще…

Для демонов он тоже иной, даже меня видят то ли как клубок нервных нитей, то ли как тепловое пятно, хорошо бы учитывать это тоже, но трудно учитывать то, чего не знаешь.

В комнате вспыхнула огненная спираль, крохотный демон на радостях пронесся вокруг меня с изящным вывертом, для него воздух совсем не то незримое вещество, даже не берусь и представить, как и что видит существо из огненного мира плазменных вихрей.

– Господин?

Писк его показался веселым и задорным, я всмотрелся в его крупные глаза, когда завис перед моим лицом, так часто махая крохотными красными крылышками, что слились в розовое марево.

– Хорошо выглядишь, – сказал я. – И морда сытая. Серфик, мне нужен демон, который может подняться до скайбагеров.

– А что это?

– Это те штуки, – пояснил я, – что двигаются высоко-высоко, куда не залетают даже орлы.

– А драконы?

– Тем более, – сообщил я. – У драконов задницы тяжелее супружеского долга. А с супружеским долгом не полетаешь.

Он не понял, пискнул с озабоченностью в голосе:

– Что мне сделать?

Глава 9

Пока я формулировал вопрос, он пометался по комнате, как яркая багровая точка лазерной указки, снова завис перед моим лицом, крохотный, толстенький и с часто-часто машущими крылышками, чем-то похожий на божью коровку, но с большими выпуклыми и совсем не фасеточными глазами.

– Найди таких, – сказал я, – кто поднимется туды. И хорошо бы, чтоб и меня поднял. Помнишь, как я летал на Плантагинете?.. Правда, нызенько-нызенько…

Он спросил тревожно:

– Но куда высоко?.. Если птицы…

– Что там птицы, – ответил я. – Мы же с тобой люди? А люди еще те птицы!

– Так высоко?.. – уточнил он. – Но если туда никто…

– Я там был, – скромно сообщил я. – Даже бывал! Дальше и глыбже. Но мне нужен этот скайбагер для… Хотя вряд ли даже для, но это же моя территория?.. Раз земля, то и воздушное пространство над нею по праву мое!.. И море на двести территориальных миль… хотя могу и больше, пока никто о таких правилах не догадывается. В моих пределах я должен быть хозяином, потому что так начертано судьбой, даже предначертано, ведь судьбу тоже скромно определяю я. Неважно, насколько хорошим хозяином, но раз я он самый, то будь здоров, не кашляй, а хозяйствуй во всю широту и глыбь непонятной человеческой натуры… В общем, поспрашивай там своих. Особенно тех, у кого крылья поширше.

– Сделаю, – пообещал он.

– Лети, – сказал я, – огнекрылый дракон.

Он польщенно пискнул:

– Я еще не дракон!

– Станешь, – пообещал я, хотя, думаю, демоны создавались сразу взрослыми, как муравьи в коконах. – Поспособствуем императорским тайным указом.

Искорка исчезла, вряд ли Серфик задумывается, кем он станет, хотя его создавали как широко специализированного, предназначенного именно для общения с людьми и способного понимать их простейшие желания.

Вообще-то я хоть и грубая скотина, но чувствительная и заботливая, младших братьев не только никогда не бил по голове, но иногда чесал и даже гладил.

Крылышки бабочкам отрывал только в самом раннем детстве, когда не понимал, что им больно, потому не понимаю людей, что могут причинять кому-то страдания или неудобства просто так, для удовольствия.

К демонам отношение стыдливого рабовладельца, что изо всех сил старается дать им свободу, даже если некоторые не хотят, справедливо полагая, что кто-то другой может ее лишить, а под моей властью они этой несвободы и не чувствуют.

Думаю, кто-то это продумывал до меня, вон для Серфика сделали так, что для него вовсе не мука находиться в нашем мире людей, ему самому здесь интересно, но и он может появляться только по вызову, чтоб не надоедал, видимо.

Вечером с гудящей от проблем головой вернулся в спальную часть покоев, это те же роскошные залы, только декорированные под исполнение супружеского долга, красиво, пышно и торжественно, хотя супружеское ложе предусмотрительно снабжено высоким балдахином, а шторы из толстого бархата спускаются со всех сторон, задергиваются плотно и с запасом, можно прятаться от всей этой красоты.

В вычурно изогнутых иссиня-черных подсвечниках торчат столбики ярко-красных свечей, и только в одном одна-единственная белая, но самая толстая, хоть и наполовину сгоревшая.

Я вяло подумал, что в этом какой-то смысл, во дворце все происходит со смыслом, а каждый поступок, как и вещь, имеет несколько толкований, но не императорское дело вникать, потому отмахнулся и потащился к постели.

Бобик приоткрыл один глаз и вяло двинул пару раз хвостом, как бы приветствуя, хотя императора мог бы поприветствовать и более почтительно, но это хамло тут же опустило голову на ковер и снова заснуло.

Хотя у меня есть дар не спать несколько суток подряд, но злоупотреблять им не стоит, организмы у нас хрупкие, пусть надрывают их те, кто живет сегодняшним днем, а я хочу побеждать и завтра.

Дверь приоткрылась, заглянул Периальд, лицо удивленно-виноватое.

– Сэр Ричард… к вам тут герцогиня…

– Ей можно, – ответил я, – хотя я штаны еще не снял…

Он исчез, через полминуты через порог переступила герцогиня Херствардская. Бобик сразу же поднялся и посмотрел на ее руки строго и внимательно, что именно принесла для его бесстыдного подкупа.

Она заметно напряглась, однако с тем же строгим и деловитым видом присела в поклоне, хотя тоже не сводит взгляда с Адского Пса, словно и почтительнейший присед предназначался ему.

Я жестом велел встать, кивнул в сторону спального ложа. Она сделала вид, что не поняла, оглянулась на захлопнувшуюся за нею дверь.

– Ваше величество, слуги к вам обращаются по имени?

– Это не слуги, – пояснил я, – боевые товарищи, с которыми начинал путь. Хотите выпить, герцогиня?.. Бобик, ты спи. Спи. Тебе ничего не обломится.

Бобик посмотрел с укором, вздохнул и с грохотом повалился на бок перед кроватью.

Герцогиня покачала головой, а когда заговорила, голос ее был полон сочувствия:

– Ваше величество, у вас на челе печать скорби. Уже ночь, вам нужно выспаться и набраться сил. Я бы посоветовала вообще обойтись без женщин, но в вашем возрасте с этим сложновато, потому взяла на себя смелость сказать Мишелле, что сегодня согреть вашу постель должна она…

Я спросил больше для проформы:

– Почему Мишелла?

– Очень милая и ласковая, – сообщила она. – И понимающая. А вам нужен покой и тепло, которого не даст даже любимая собачка. Хотя еще просилась маркиза

Жанна-Антуанетта, но я отсоветовала.

Я дернулся:

– Она? Зачем?.. Ах да, понимаю. Спасибо, герцогиня. Вы очень хорошо чувствуете ситуацию. Просто удивительно, как хорошо.

Она слабо улыбнулась.

– Это я вживаюсь в ваш удивительный характер. Другой бы взял ее в постель в первую очередь! Еще бы. А вот вы…

– Самантелла, – ответил я с чувством сильнейшей неловкости, – ну не могу спать с женщиной, которую собираюсь спасти! Пусть даже не ее, а ее мужа. Это нехорошо.

– Для вас? – ответила она. – Да, для вас… Вы как старинный герой! Судя по древним легендам, именно они блюли правила чести так… щепетильно. Сейчас изысканность только в одежде и манерах, но не в чувствах, ваше величество. Я даже собой горжусь! Вас понять непросто, а поверить в то, что открылось, еще труднее.

– Герцогиня… вы так заботитесь обо мне, мне уже неловко.

– Привыкайте, ваше величество, – сказала она по-матерински заботливо, – у вас в постели всегда будет какая-то из женщин. Все стремятся стать фаворитками императоров и королей!.. За это место идет ожесточенная война, которую не видно за сладкими улыбками и комплиментами друг другу. А вы еще и властелин Багровой Звезды Зла, что всегда ввергала мир в трепет.

Я ответил мягко:

– Герцогиня… Вы взяли на себя мою защиту с этой стороны, за что я в самом деле благодарен. В самом деле спасибо!

Она улыбнулась.

– Ваше величество!.. Наше благополучие и даже жизни зависят от вас. Потому мы ревностно следим, чтобы у вас все получалось и чтобы вас ничто не отвлекало!

Она снова присела, отступила и быстро вышла в то, что называют коридором, хотя там целая анфилада моих личных покоев с гулким многократным эхом.

Бобик даже не поднял головы, хотя приоткрыл один глаз и достаточно осмысленно посмотрел вслед.

Я только-только успел сбросить сапоги, как Хрурт приоткрыл дверь, в спальню скользнула Мишелла. В самом деле чем-то милая, хотя ее точеное лицо аристократки с гордо приподнятыми скулами и умными глазами как-то больше идет властной женщине, управляющей крупными корпорациями.

Бобик все же поднял голову и даже дважды вильнул хвостом, но тут же со стуком уронил. Пол чуть дрогнул, но не прогнулся, надежно выстроено.

Мишелла сделала пару шагов, присела в низком поклоне:

– Ваше величество…

Я отмахнулся:

– Мишелла, бросьте. За нами никто не наблюдает. Топайте сюда и лезьте под одеяло.

Она улыбнулась, начала развязывать шелковый шнур у горла. Платье дрогнуло, тяжелым потоком поползло вниз, на полу начало собираться тяжелыми массивными кольцами, пока не образовался широкий колокол.

Я с интересом смотрел, как с трудом переступила через этот ворох, стараясь не помять, я ободрил ее комплиментарным жестом, дескать, мы же взрослые люди, все идет просто великолепно.

Я сбросил брюки и рубашку, как же это хорошо, и как все-таки устал за день, хотя ни разу не брался за рукоять меча и не мчался на арбогастре в

сопровождении Бобика через леса и долы солнцу и ветру навстречу, расправив упрямую грудь.

Мишелла торопливо скользнула под одеяло и, натянув край до подбородка, наблюдала за мной из-под прищуренных век. Жемчужный блеск ее глаз виден и в щелочки, все еще настороженная и скованная, я рухнул в постель, перевел дыхание, отдыхать тоже хорошо, кто бы подумал, повернулся в ее сторону.

– Мишелла, вас не напрягает эта обязанность?

Она спросила настороженным шепотом:

– Какая, ваше величество?

– Спать со мной, – объяснил я.

– Ваше величество?

– А вдруг я храплю и лягаюсь?.. И никто, представляете, мне такое не говорит? Может, я и правду не храплю?

– Не храпите, – заверила она. – Ничуточки.

– Правда? – спросил я. – В самом деле?.. А если честно?

– Не храпите, – сказала она умоляюще. – И одеяло не стягиваете!.. Оно такое огромное, здесь пять таких, как я, поместится!..

– Гм, – сказал я в нерешительности. – Но если вдруг захраплю, вы толкните, хорошо?.. Чтоб я повернулся на бок. Договорились?

Она сделала огромные глаза, я залюбовался их непривычной красотой, таинственной и загадочной, словно за этой жемчужной дымкой прячется необыкновенный мир.

– Ваше величество!.. Ваше высокое внимание подняло меня на такую высоту!.. Даже принц Фенрандзель приударил за мной, не говоря уже о прочих знатнейших лордах. И если бы не ваша грозная слава…

Я сделал отметающий жест:

– Бросьте, Мишелла. Я не стесняю вашу свободу. Вольны общаться со всеми на любом уровне!.. Надеюсь, вы понимаете, о чем я в лоб говорю так иносказительно. То, что иногда спим вместе, не значит, что не можете…

– Ваше величество, – прервала она, – ваша грозная слава отпугнет кого угодно!.. Но флиртовать со мной стремятся все. Это так престижно! Даже распускают слухи…

– Мишелла, – сказал я, – чувствую себя скотиной, что это только слухи.

Ее снежно-белые зубки задорно блеснули в полутьме.

– Ваше величество, умоляю, не портите такую игру!

– Игру?

Она подтвердила с жаром:

– Еще какую игру!.. При дворе все во что-то играют, это и есть придворная жизнь. Да и вообще… это не разговор на ночь!

– Согласен, – ответил я. – Вы всегда чувствуете… да, вы все чувствуете. Герцогиня права, называя вас очаровательнейшей при дворе и самой… одухотворенной.

Она в изумлении вскинула брови.

– Ваше величество! Бывают ли женщины одухотворенными под одеялом?

Я засмеялся, протянул к ней руку.

– Идите ближе, Мишелла. Не такая уж эта кровать и огромная. А в горизонтальном положении мой могучий мозг не выше других органов.

Проснулась она раньше меня, но не шевелилась, а я, едва разлепил один глаз, тут же приподнял себя в полусидячее положение, стараясь не шелестеть бельем, создал большую чашку горячего кофе, а для Мишеллы тарелку с пирожными.

Она посмотрела с укором, я спохватился, создал вторую чашку. Мишелла приняла из моих рук с виновато-счастливой улыбкой, какое же это восхитительное чувство, когда прислуживает сам император!

Мы успели съесть и пирожные, когда послышались осторожные шаги. Шторы медленно раздвинулись, принц Кегельшир и принцесса Джеззефина смотрят строго, густо напудренные лица непроницаемы, так же густо нарисованные брови изящно приподняты.

За ними целый ряд знатнейших, у всех вместо лиц безукоризненно белые маски с накрашенными щеками, мушками на щеках, лбу и даже на подбородках.

И все-таки этих трутней можно назвать рабочими трутнями, ради этой процедуры слуги расталкивают их и поднимают до рассвета, одевают и ведут, еще сонных, в ту часть здания, где мои апартаменты.

Основная масса придворных спит до обеда, а эти особо знатные и потому допущенные до процедуры одевания императора будут стоять за спинками наших с Мишеллой кресел во время завтрака императора, строго следить за порядком прохождения блюд.

И хотя там своя команда, однако за принцем и принцессой остается окончательный контроль, чистовой, так сказать, красиво ли подают на стол, нет ли лишних жестов, все ли строго, ровно и чинно, как надлежит и как освящено традициями.

Мишелла шепнула:

– Ваше величество, не перекладывайте в мою тарелку лакомые кусочки!

– Почему?

– Пойдут слухи, – сказала она едва слышно. – Начнутся толкования… Это я знаю, для вас это просто жест вежливости, но здесь поймут иначе. Вы император, у вас каждый жест полон значения!

– Ух, – сказал я обреченно, – ладно, я император, не только сижу и ем. Я еще и готовлюсь думать над проблемами. Когда хорошо поем и отдохну.

Вдоль длинного коридора один за другим с обеих стен строго смотрят огромные портреты императоров, преисполненные величия и мудрости в лицах, горящих отвагой.

Публика прогуливается празднично яркая, я в который раз подумал, что вся жизнь при дворце нескончаемый праздник, что вроде бы цель жизни, но мало кто представляет, что, если такую цель каким-то чудом достигнуть, начнется быстрое увядание и даже отмирание такой ветви.

Но если такую дикую идею высказать вслух, заплюют. Хотя с императором это рискованно, однако даже императоры зависят от общественного мнения, потому разворачивать общество будем медленно и печально, на градус в день, а то и на полградуса в неделю.

В конце коридора двое мужчин резко отличаются от праздничной публики подчеркнуто сдержанным нарядом. Даже суровые лица без намека на улыбку или на готовность улыбнуться, хотя Альбрехт все же кое-что почерпнул из гардероба местных лордов, а вот Норберт верен манере северян как в одежде, так и в оружии.

Беседуют тихо, зорко поглядывая по сторонам, мимо осторожно проходят придворные, почтительно раскланиваются со сладчайшими улыбками, хоть и без размахивания над самим полом или кончиком выставленного вперед сапога шляпами.

Я двинулся в сторону соратников достаточно быстро и с гордо поднятой головой, это чтобы не отвечать на поклоны, только одарил всех застывшей улыбкой, дескать, все хорошо.

На полпути из ряда одинаковых и напудренных выступил на полшага франт в светло-кремовом камзоле до середины бедра, под ним белая рубашка-свитер, на шее широкая красная лента с большим картинным узлом на верхней части груди, весь нарядный и праздничный, хвост белоснежного парика на затылке перехвачен крупным бантом цвета заходящего солнца.

– Ваше величество…

Я ответил благосклонно:

– Сэр Никлас?

– Ваше величество, – проговорил он почтительно, – не распорядитесь ли послать комиссию для расследования массовых пожаров в королевстве Эдгерия?

Я взглянул на него с интересом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/orlovskiy_gay/richard-dlinnye-ruki-udar-v-spinu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити